

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

РИК РИОРДАН

МАГНУС ЧЕЙЗ

И БОГИ АСГАРДА

Книга 2

МОЛОТ ТОРА

18+

Люди против магов

Рик Риордан

**Магнус Чейз и боги Асгарда.
Книга 2. Молот Тора**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-053.6(73)

ББК 84(7Сое)-44

Риордан Р.

Магнус Чейз и боги Асгарда. Книга 2. Молот Тора / Р. Риордан — «Эксмо», 2016 — (Люди против магов)

ISBN 978-5-699-97039-1

Магнусу Чейзу и его друзьям нужно выполнить, казалось бы, элементарное задание – вернуть Тору его молот. Подумаешь, сходить к великану и отобрать у него его незаконное приобретение. Но не тогда, когда от этого зависит судьба всего мира, а великан в сговоре с Локи, богом зла и обмана. Если Тор не получит назад свое оружие, начнется Рагнарок, судный день и гибель всех богов. Смертным в Мидгарде от этого тоже не поздоровится. Сможет ли Магнус остановить врагов Тора, а самое главное – противостоять хитроумному Локи, обмануть которого не удавалось никому?

УДК 821.111-053.6(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-97039-1

© Риордан Р., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава I. Не убивайте козла в кафе!	6
Глава II. Стандартная сцена погони по крышам с говорящими мечами и ниндзя	12
Глава III. Мои друзья пропадают неизвестно куда, чтобы я не тревожился. Спасибо, друзья	17
Глава IV. Меня задавил гепард	22
Глава V. Личная жизнь моего меча куда лучше, чем моя собственная	28
Глава VI. Обожаю суп из горностая	33
Глава VII. А ваши друзья страдали когда-нибудь от линдвормов?	36
Глава VIII. Помощь от смерти путем другой смерти	40
Глава IX. Ни под каким видом не соглашайтесь принимать пенную ванну с богом, от которого сохранилась только одна голова	43
Глава X. Викинговский пир в гавайском стиле как самый паршивый и неудобный вариант вальгалльских пиров	48
Глава XI. Народ взвивается на ноги и устраивает овацию стоя	53
Глава XII. Самаира и Магнус Р-А-З-Г-О-В-А-Р-И-В-А-Ю-Т, сидя на дереве	58
Глава XIII. Расслабьтесь, это всего лишь маленькое предсказание смерти	63
Глава XIV. Выплачь Кровавую реку, хотя погоди: вообще-то не надо	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Рик Риордан

Магнус Чейз и боги Асгарда. Молот Тора

Rick Riordan: Magnus Chase and the Gods of Asgard Book Two The Hammer of Thor

Copyright © 2016 by Rick Riordan Permission for this edition was arranged through the Nancy

Gallt Literary Agency

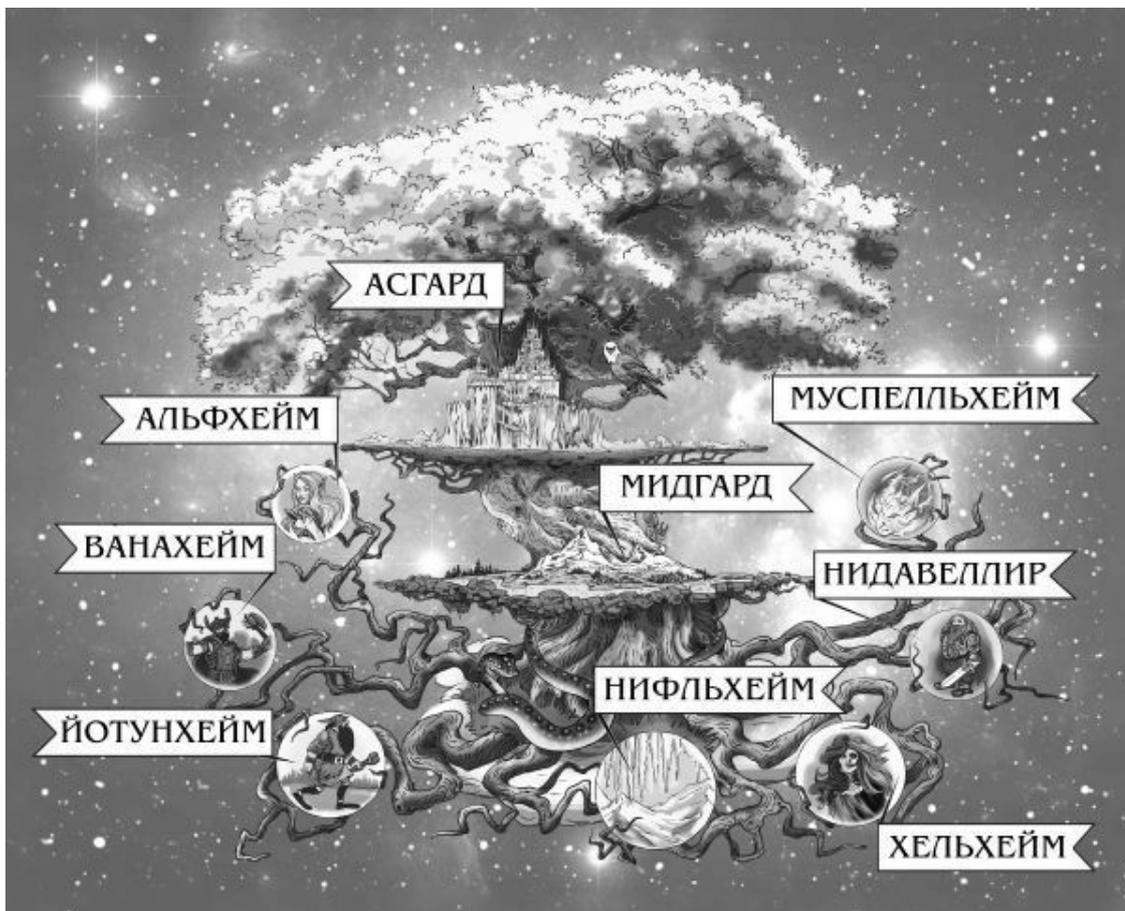
Иллюстрация на обложке Евы Елфимовой

© Иванов А., Устинова А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Дж. Р. Р. Толкиену, который открыл мне мир древнескандинавской мифологии.

Глава I. Не убивайте козла в кафе!

Теперь-то я знаю, что, пригласив валькирию выпить кофе, мало того что за все сам запла-тишь, так еще и окажешься в обществе мертвого тела.

Я не видел Самису аль Аббас почти шесть недель. И, естественно, стоило ей вдруг воз-никнуть неизвестно откуда с предложением обсудить вопрос жизни и смерти, немедленно согласился с ней встретиться.

(Здесь следует вскользь заметить, что технически я давно уже умер и для меня лично вопросы жизни и смерти как бы и не стоят, однако по голосу Сэм мне немедленно стало ясно, что она чем-то очень встревожена.)

Мы тут же условились встретиться в «Мыслящей Чашке» на Ньюбери-стрит. Прибыв туда первым, я убедился, что заведение это, как и обычно, кишит посетителями, и, не тратя понапрасну времени, встал в очередь. Тут-то Сэм и влетела внутрь. В самом буквальном смысле. Над головами всей этой публики, жаждущей поскорее перекусить. И что вы думаете? Никто из них даже глазом не моргнул. Ни постоянные, ни случайные посетители.

Обычные смертные, как правило, не примечают все эти волшебные дела. В общем-то, так для них и к лучшему. Особенно что касается обитателей Бостона. Умей они видеть чуточку больше, тратили бы в основном свое драгоценное время, убегая от великанов, троллей, огров-людоедов и эйнхериев с боевыми топорами за поясом и стаканчиками кофе латте в руках.

Сэм приземлилась рядом со мной. Одета она была в школьную форму. Синяя рубашка с длинными рукавами и логотипом Академии Кинг, слаксы цвета хаки и белые кроссовки. Волосы спрятаны под зеленым хиджабом. Все, так сказать, честь по чести. Разве что боевой топор, который висел у нее на поясе, вряд ли вписывался в школьный дресс-код.

Я был очень рад увидеться с ней, но вид ее мне не понравился. Под глазами темные тени, и она вроде даже немного пошатывалась.

– Выглядишь просто ужасно, – вырвалось у меня.

– Я тоже тебе очень рада, Магнус, – свирепо буркнула она.

– То есть я имею в виду не просто ужасно, а ужасно усталой, – поспешил внести ясность я.

– Может, тебе дать лопатку, чтобы выкопал себе могилку поглубже? – весьма агрессивно осведомилась она.

Я в знак капитуляции поднял вверх руки.

– Лучше скажи, где тебя носило последние полтора месяца?

Плечи ее напряглись.

– Тебе бы такую нагрузочку, Магнус, в этом семестре. На уроках пашу. Потом репети-торством занимаюсь. А кроме того, если ты еще не забыл, у меня небольшая работа по сов-местительству в плане транспортировки душ погибших героев и выполнения сверхсекретных заданий для Одина.

– Вот поколение, – хмыкнул я. – Вечно у вас плотный график.

– И плюс ко всему еще летная школа, – добавила Сэм.

– Летная школа? – переспросил я, попутно отметив, что очередь наша немного продви-нулась. – Имеешь в виду самолеты?

Я знал: стать пилотом она мечтает давно. Но у меня даже мысли не возникло, что она уже этому учится.

– Тебе же ведь еще только шестнадцать. Разве...

– Бабушка с дедушкой никогда бы себе не смогли такого позволить, – перебила она меня, блестя от восторга глазами. – Но у Фадланов есть друг, у которого летная школа, и они убедили Джиду и Биби...

– А-а-а, – ухмыльнулся я. – Значит, эти уроки – подарок Амира.

Сэм тут же зарделась. Дело в том, что она единственная из всех моих знакомых подростков, которая, можно сказать, уже помолвлена. И меня от души развлекает, как она мило смущается, стоит лишь завести кому-нибудь речь об Амуре Фадлане.

– Этот подарок... Эти уроки... Самое потрясающее... – с придыханием пролепетала она. – Ладно. Хватит об этом. – Тон ее снова стал жестким. – Я позвала тебя не для обсуждения распорядка моего дня. Нам надо встретиться с осведомителем.

– С осведомителем? – разинул рот я.

– И если его информация окажется достоверной, – никак не отреагировала на мое удивление Сэм, – возможно, наступит тот переломный момент, которого я так жду.

У нее в кармане зазвонил телефон. Вынув его, она глянула на экран и поморщилась.

– Мне пора.

– Ты только что пришла, – счел своим долгом отметить я.

– Валькирские дела, возможно, код три восемь один, процесс героической гибели, – едва слышной скороговоркой отозвалась она.

– Не выдумывай.

– Честно.

– Имеешь в виду, кому-то сейчас показалось, что ему вот-вот предстоит героически помереть и он срочно отстукал тебе эсэмэску с текстом «Срочно требуется валькирия» и кучей грустных эмодзи? – хохотнул я.

– Насколько мне помнится, я забрала в Вальгаллу и твою душу, – кажется, не понравилась моя шуточка Сэм. – И ты вроде не вызывал меня эсэмэсками.

– Ну, я-то особенный.

– А если особенный, то займи столик снаружи и встретись с моим информатором, – командовала она. – Постараюсь вернуться как можно скорее.

– Но я ведь даже не знаю, как этот твой информатор выглядит.

– Увидишь – сразу поймешь, – заверила меня Сэм. – А мне, будь любезен, купи одну булочку-скон.

И, взвившись в воздух, она стремительно вылетела из кафе наружу.

Дождавшись, когда моя очередь наконец подошла, я приобрел две булочки и два кофе и вместе с ними уселся за один из свободных столов снаружи.

Весну этот год принес в Бостон рано. К бордюрам на мостовых еще, правда, липли, словно налет на зубах, комья грязного снега, однако ветви вишневых деревьев уже набухали белыми и красными бутонами, а в сияющих витринах бутиков пышно распустилась одежда свежих весенне-летних коллекций – цветочные принты на фоне пастельных тонов. Туристы шли мимо меня, нежась под теплыми солнечными лучами.

Именно тут я с особенной остротой осознал: это ведь первая весна за последние три года, когда я уже не бездомный. Прошлым мартом мне даже и в мыслях бы не представилось, что я могу вот так, как сейчас, с полным правом сидеть в кафе за столиком. Я питался тогда в основном из помоек, спал под мостом в Общественном Парке и слонялся с двумя своими приятелями Хэртом и Блитцем, стараясь держаться подальше от копов и тратя все силы на то, чтобы выжить.

Затем, два месяца назад, я умер в сражении с огненным великаном. И... очнулся в отеле «Вальгалла», став одним из эйнхериев Одина.

Теперь я одет в нормальные чистые вещи. Каждый день принимаю душ. Засыпаю и просыпаюсь в удобной постели. Ем еду, за которую плачу. И спокойно сижу в кафе за столиком, не опасаясь, что меня попросят выйти, а то и попросту вытолкают взашей на улицу.

За последние два месяца мне довелось привыкнуть к множеству самых престранных вещей и явлений. Я попутешествовал по Девяти Мирам. Встречался с древнескандинавскими

богами, эльфами, гномами и кучей разнообразных монстров, чьи имена не в состоянии даже выговорить. Мне достался волшебный меч. Вот он висит у меня на шее в виде кулона. Попробуйте догадаться, что эта плашечка, на которой начертана руна, может в любой момент превратиться в грозное боевое оружие. Впрочем, поговорив недавно со своей кузиной Аннабет, я убедился: не только Бостон, но и, похоже, вся Северная Америка просто кишит древними богами. Ей вот, в Нью-Йорке, весьма осложняют жизнь древнегреческие. Их там, как вирусов гриппа при эпидемии.

Что же, я все это понял, принял, и куда большим чудом мне теперь кажется, что я снова здесь, в Бостоне, сижу себе, как обычный смертный подросток, в кафе, наслаждаясь чудесным весенним днем и пытаюсь понять, кто в толпе пешеходов может быть информатором Сэм.

«Увидишь – сразу поймешь», – сказала она.

Предположим, что так и есть. Но какую же информацию принесет этот тип, если Сэм считает ее вопросом жизни и смерти?

Взгляд мой упал на вывеску магазина в конце квартала. Она сияла медью и серебром. «Эксклюзивы от Блитцена», – сообщалось в ней, однако на витрины были опущены жалюзи, а на стеклянной двери белела бумажка с надписью, торопливо начертанной толстым красным фломастером: «Обновление коллекции. Ждите открытия».

Ждите! Да я уже две недели назад обнаружил, проходя мимо, эту бумажку. Что, интересно, дернуло моего старого друга Блитцена так внезапно исчезнуть? От них с Хэртстоуном с той поры ни слуху ни духу, а это совсем на них не похоже. Может, Самира что-нибудь знает?

Размышляя об этом, я напрочь отвлекся от поиска информатора и вспомнил, зачем нахожусь здесь, лишь в тот момент, когда он застыл непосредственно возле меня.

Да, он и впрямь отличался от прочей бостонской публики. Не каждый ведь день повстречаешь козла в плаще-тренче, полы которого путаются в его задних копытах, небольшой шляпе с узенькими полями и низкой тульей, нахлобученной на голову между витыми рогами, и к тому же в темных очках.

Несмотря на столь хитрую маскировку, я мигом его узнал. Именно этого козла мне пришлось убивать и есть в другом мире. А подобные ситуации, знаете ли, как-то очень роднят и не забываются.

– Рад тебя видеть, Отис, – поприветствовал его я.

– Тш-ш-ш, – заговорщицки прошипел он в ответ. – Я здесь инкогнито. Называй меня Отис.

Я был глубоко убежден, что инкогнито обставляется как-то совсем по-другому, ну да дело хозяйское. Отис Инкогнито плюхнулся задними ляжками и копытами на занятый мной для Самеры стул, передние же конечности опустил с громким стуком на стол.

– А валькирия где? Она тоже сегодня инкогнито? – И он заглянул в пакет с ее булочкой, по-видимому, считая, что Сэм может там спрятаться.

– Отправилась подбирать чью-то душу. Скоро вернется, – растолковал ему я.

– Встречаются же счастливчики, у которых есть в жизни высокая цель, – меланхолично проблеял он. – Ну что же, спасибо за угощение.

– Это не для те... – попытался остановить его я, но было поздно. Отис уже вовсю пожирал булочку Сэм вместе с пакетом, в котором она лежала. За ним с соседнего столика наблюдала солидная пожилая супружеская чета. Судя по умиленным лицам обоих, двоим этим смертным мой друг волшебный козел казался чем-то вроде смешного ребенка или забавной собачки.

– Ну, – начал я, стараясь не обращать внимания на крошки пакета и булочки, которые весьма омерзительным образом сыпались из пасти Отиса прямо на его плащ. – Ты вроде нам что-то хотел рассказать.

Отис рыгнул.

– Это по поводу моего хозяина.

– По поводу Тора? – решил уточнить я на всякий случай.

Отиса пробрала дрожь.

– Именно.

Исполняй я у громового бога такие же обязанности, как он, меня бы наверняка тоже передергивало при малейшем упоминании его имени. Отиса и его брата Марвина Тор запрягал в свою колесницу, и они были вынуждены возить его в ней, а кроме того, обеспечивали ему собственными, так сказать, персонами бесперебойное поступление козлиного мяса. Тор каждый вечер их убивал, готовил из них еду, а к утру они вновь возрождались. Вот почему, ребята, окончив школу, следует постараться продолжить образование. Иначе запросто можете оказаться такими вот волшебными козлами.

– Видишь ли, – продолжал тем временем мой волшебнo-съедобный друг. – У меня наконец появилась наводка на местонахождение некоего объекта, который определенным образом был утрачен моим хозяином.

– Имеешь в виду его мол...

– Нет, нет. Только не вслух, – запаниковал Отис. – Речь идет, разумеется, о любимом его молоке, – сказал он, соблюдая конспирацию.

Я мысленно перенесся в январь, когда повстречался впервые с громовым богом. Славный вышел тогда вечерок. Мы сидели возле пылающего костра. Тор, шумно портя воздух, рассказывал нам сперва о своих любимых телесериалах, а затем пожаловался на потерю универсального молота, которым не только убивал великанов, но и пользовался как телеприемником высокого разрешения для просмотра своих сериалов.

– Значит, он так и не найден? – удивился я.

Отис цокнул передним копытом по столику.

– Разумеется, это сугубо неофициальные данные. Узнай о таком великаны, они наводнили бы миры смертных, все там уничтожили, а меня бы отправили в совершеннейший ужас. Но неофициально, да. Наши безрезультатные поиски длятся вот уже несколько месяцев. Враги Тора, видимо, что-то чуют, дерзуют и распоясываются. Как я выразил это во время очередного сеанса своему психотерапевту, ситуация своей внутренней напряженностью очень напоминает мне годы моего детства, проведенные в козьем загоне среди агрессивно настроенных личностей, – объяснил мне Отис, направив взор желтых глаз в туманную даль неприятного прошлого. – Полагаю, что именно таким образом проведенное детство стало истоком моих травматически-стрессовых состояний.

Мне стало ясно: дай Отису волю, и следующие три часа я проведу, выслушивая подробный рассказ о его депрессиях и о том, как он с ними борется. Но я, видимо, чересчур черств для подобных самопожертвований. Поэтому торопливо проговорил:

– Сочувствую твоей боли, Отис, но, как мне помнится, мы ведь нашли для Тора прекрасный железный посох, который служит ему резервным оружием. Так в чем же проблема?

– Увы, – вздохнул Отис Инкогнито. – Посох, конечно, лучше, чем ничего, но не идет ни в какое сравнение с м-м... молоком. Великаны гораздо меньше его боятся. А кроме того, Тор ужасающе нервничает, когда пытается по нему смотреть свои любимые сериалы. Экран крохотный. Разрешение очень низкое. А мне, когда Тор раздражен, становится очень трудно сохранять моральное равновесие.

В его словах многое не вязалось с другим. Неужели Тору и впрямь так трудно найти самому этот молот? А если так, каким образом ему до сих пор удается скрывать столь долго от великанов, что он потерял его? И еще, конечно, мне просто крышу сносило от информации, что козел пытается обрести моральное равновесие.

– Выходит, Тору нужна наша помощь? – пришел к единственно возможному выводу я.

– Неофициально и конфиденциально, – подтвердил козел.

– Ну, разумеется. – Меня уже душил смех. – Прежде чем действовать, мы будем вынуждены одеться в тренчи и нацепить темные очки.

– Было бы очень неплохо, – на полном серьезе одобрил Отис. – Собственно, мое дело предупредить валькирию, которая, как тебе, конечно, известно, выполняет секретные поручения для Одина. Вот я и явился с первой хорошей наводкой на месторасположение некоего объекта. Источник мой крайне надежен. Он тоже козел, и мы с ним посещаем сеансы одного и того же психотерапевта. А разговор, который вас может заинтересовать, он случайно услышал на скотном дворе.

– То есть твоя наводка основана на слухах со скотного двора, рассказ о которых ты услышал, дожидаясь очереди у своего психотерапевта? – усталился на Отиса я.

– Исключительно ценная информация, – прошептал волшебнo-съедобный козел, так резко нагнувшись к моему уху, что я испугался, как бы он не упал со стула. – И вы должны соблюдать предельную осторожность.

Я снова едва удержался от смеха. Какой-то козел мне блеет об осторожности. Мне, который играл с огненным гигантом в «Лови раскаленный мячик из лавы». Мне, который скользил, уцепившись за лапы орла, над крышами Бостона. А еще, между прочим, вытащил Мирового Змея из Массачусетского залива. И сковал волка Фенрира новой волшебной цепью.

– Ну, так и где же находится... молоко? – полюбопытствовал я. – В Йотунхейме? Ниффльхейме? Торпукхейме?

– Дразнишься? – Темные очки на носу Отиса скособочились, явив обиженный взгляд желтых козлиных глаз. – А вот и не угадал. Молоко находится в ином и очень опасном месте. Провинстаун оно называется.

– Провинстаун, – повторил я. – Значит, на мысе Кейп-Код.

Это место я смутно помнил по детским годам. Когда мне было лет восемь, мы с мамой туда однажды отправились на денек. В памяти отпечатались пляжи, ириски с солью, роллы с лобстерами, куча арт-галерей и явно страдающая булимией чайка, которая норовила сцапать нашу еду. Ничего более опасного, чем она, я как-то там не приметил.

– В Провинстауне есть Курган Твари, – понизил голос до шепота Отис.

– Это что же, гора какая-то? – спросил я.

– Нет. – У Отиса затряслись поджилки. – Тварь – это такое могущественное немертвое существо, такая могущественная нежить, которая прибирает к рукам все магическое оружие. А могила ее называется Курганом Твари. Прости, мне невысказанно трудно вести речь про нежитей. Они живо напоминают мне о моем отце.

У меня лично живо возник в голове целый ряд вопросов касательно детства Отиса. Но пусть лучше в этом копается психотерапевт. И я торопливо вернул комплексующего козла к основной теме нашего разговора:

– И что, в Провинстауне много могил таких викингов-нежитей?

– Только одна, насколько я знаю, но и ее достаточно. Если некий объект находится там, будет невысказанно трудно его вернуть. Ведь мало того что он под землей, так еще охраняется мощной магией. Тебе потребуется помощь твоих друзей – гнома и эльфа.

Прекрасный совет! Вот только бы мне иметь хоть смутное представление, где эти мои друзья находятся. Одна надежда, что Сэм про них знает больше меня.

– Ну, а чего же Тору-то не пойти и не проверить этот курган? – произнес я вслух. – Нет, погоди. Дай-ка сперва попробую сам догадаться, – не дал я ничего пролеять в ответ козлу. – Он опасается привлечь внимание? Или так занят просмотром какого-то из своих сериалов, что предпочел дать шанс нам проявить героизм?

– Должен признаться, сейчас действительно начался новый сезон «Джессики Джонс», – смущенно признался Отис.

Первым моим порывом было как следует ему врезать меж рогов, но я все же сумел сдержаться. Он-то чем виноват?

– Отличная ситуация, – бодренько произнес я. – Что же, дождемся Сэм и вместе обсудим стратегию.

– М-м-м, не уверен, что мне целесообразно ее дожидаться, – беспокойно заерзал на стуле козел, слизывая очередную крошку с лацкана своего плаща. – Видимо, нужно было предупредить тебя раньше, что меня кто-то преследует.

– И, полагаешь, тебя проследили прямо досюда? – пробежал у меня холодок по спине и затылку.

– В общем-то, я надеюсь, моя маскировка должна была сбить их со следа, – проблеял Отис.

Похоже, что ситуация улучшалась с каждой минутой. Я внимательно просканировал взглядом улицу. Вроде бы ничего подозрительного.

– Тебе хоть удалось разглядеть, кто или что за тобой следило? – поинтересовался я.

– Нет, – покачал витыми рогами Отис. – Но у Тора полно самых разных врагов, и никто из них не желал бы возвращения к нему м-м... молока. Вот почему информация, которой я поделился сейчас с тобой, особенно что касается заключительной ее части, крайне для них опасна. Ты должен предупредить Самиру, что...

Хрясь!

За время жизни в Вальгалле опасные колюще-режущие предметы, которые влетают в вас или в кого-то другого неизвестно откуда, стали для меня делом вполне привычным. Однако сейчас я просто-таки обалдел, увидев топор, засевший в шерстистой груди козла.

Я тут же рванулся к нему через стол, надеясь спасти. Я ведь сын Фрея – бога плодородия и здоровья, и мне от отца достался дар магии экстренной помощи. Если жизнь еще теплится хоть минуту, мне, как правило, удастся ее сохранить. Увы, едва прикоснувшись к Отису, я понял, что с ним все кончено. Топор пробил ему сердце.

– О, боги... Я просто... сейчас... умру... – кашляя кровью, сумел еще выдать из себя он, и голова его откинулась назад, а шляпа покатила по тротуару.

Женщина за соседним столиком завизжала. Отис ей явно уже теперь не казался милым забавным щенком. Да и чего особенно удивляться такой реакции. Ведь теперь он по факту был мертвым козлом.

Топор вонзился в него под таким углом, что мне стало ясно: его кидали откуда-то сверху. Я стремительно скользнул взглядом по крышам домов на противоположной стороне улицы. По одной из них, прячась за трубы, металась фигура в черной одежде и с металлическим шлемом на голове.

Попил, называется, кофейку в свое удовольствие!

Сорвав с цепочки на шее волшебный кулон, я кинулся вслед за убийцей козла.

Глава II. Стандартная сцена погони по крышам с говорящими мечами и ниндзя

Позвольте представить вас моему мечу.

– Джек, это мои знакомые чуваки.

– Чуваки, это мой меч Джек.

На самом-то деле его зовут Сумарбрандер, то есть Меч Лета. Но он предпочел имя Джек, на что имеет кое-какие причины. В основном он предпочитает дремать, вися у меня на шее в виде маленького кулона, на котором начертана руна Фрея, которая называется Феху:

Едва же мне требуется его помощь, он оживает, и я оказываюсь вооружен обоюдоострым клинком в тридцать дюймов длиной, полотно которого из кованой стали покрыто рунами. Едва Джек принимается говорить, руны начинают пульсировать разными цветами. Порой я сражаюсь, держа Джека в руках, а порой он воюет с противниками, летая сам по себе и горланя раздражающую попсу. Вот такой у меня волшебный боевой друг.

Вихрем пересекая Ньюбери-стрит, я сдернул кулон с цепочки.

– Ну, что еще там такое? Кого убиваем? – осведомился еще сонным голосом меч, мигая всеми своими рунами.

Джек утверждает, будто в виде кулона напрочь не слышит, что творится вокруг, ибо дремлет в наушниках. Поверил я ему, как же. Нет у него наушников. Да и ушей, впрочем, тоже.

– Гонимся за убийцей, – бросил на бегу я. – Убил козла.

– Ясное дело, – вяло отреагировал Джек. – Ничего нового. Ничего нового.

Я взлетел по стене здания Пирсон Паблшинг. Два месяца напряженной шлифовки эйнхериевских возможностей принесли весьма ощутимые результаты, и мне удалось без труда, одним лишь прыжком достигнуть откоса окна тремя этажами выше главного входа. Никаких проблем, а я ведь еще в одной руке сжимал меч. Так, концентрируя внутреннюю энергию, я и перемещался по беломраморному фасаду, пока мы с Джеком не оказались на крыше.

Едва запрыгнув туда, я заметил на дальнем ее конце несущееся между трубами черное двуногое существо в шлеме. Обличье вполне себе человеческое, что сразу же отметало версию об убийстве козла козлом. С другой стороны, я достаточно навидался разного в Девяти Мирах и меня было трудно сбить с толку человеческим обликом. Убийца мог оказаться как человеком, так, например, и эльфом, или гномом, или маленьким великаном и даже (о, только б не это!) каким-нибудь агрессивным богом с топориками.

Прежде чем мне удалось донестись до труб, противник мой сиганул на крышу соседнего здания. Плевое дело, если бы эти дома примыкали один к другому. Но их разделяло пространство в пятьдесят футов с автомобильной стоянкой внизу. Казалось бы, что стоило этому типу ради элементарных приличий ухнуть в пролет, переломав себе кости? Но нет, его ноги спокойно себе достигли гудронового покрытия крыши, и он ринулся по ней дальше, затем перепрыгнул через Ньюбери-стрит и угнезвился на шпиле Церкви Завета.

– Вот урод! – в сердцах процедил я сквозь зубы.

– Почему ты знаешь, что это мужик, а не женщина? – тут же полюбопытствовал Джек.

Реплика, должен признать, не менее острая, чем он сам. И впрямь, поди-ка определи гендерную принадлежность убийцы, если черное одеяние на нем свободно болтается, на голове нахлобучен железный шлем, а лицо и шея скрыты за кольчужным забралом. Но я, пока суд да дело, старался думать о нем в мужском роде. Видимо, это сильнее во мне разжигало ярость.

Попятившись, я разбежался и прыгнул по направлению к церкви. Очень рад был бы вам сообщить, что, точнехонько приземлившись на шпиль, защелкнул наручники на запястьях убийцы, объявил, что он арестован за варварское убийство животного, и зачитал права. Однако в действительности...

Окна церкви Святого Завета славятся превосходными витражами, которые в 1890-х годах изготовила фирма «Тиффани». До моего прыжка они больше ста лет стояли целехонькие. А теперь – мой косяк! – в левом окне наверху образовалась солидная трещина.

Я ударился о пологую крышу церкви и, цепляясь свободной рукой за водосток, повис в воздухе. Пальцы мои кололо словно иголками, а ноги болтались в воздухе, ударяясь в прекрасный витраж окна, на котором художник изобразил Младенца Иисуса. Но, как немедленно выяснилось, балансируя экстремально на крыше, я спас себе жизнь. Не случись мне в определенный момент извернуться, удерживая равновесие, и прилетевший сверху топор точнехонько вскрыл бы мою грудную клетку.

– Эй! – возопил я свирепо, когда острое лезвие сбрило пуговицы с моей джинсовой куртки.

Вот уж такой я. Всегда возмущаюсь, когда кто-нибудь хочет меня убить. В Вальгалле-то мы, эйнхерии, почему зря убиваем друг друга днем, чтобы к вечеру полностью восстановиться. Но вне Вальгаллы я уязвим не меньше, чем любой смертный. Срази меня кто-нибудь в Бостоне, и мне уж точно конец.

Козлоубийца глянул на меня с верхотуры церковного шпиля. Запас топоров у него, к счастью, кажется, кончился, но, к несчастью, у него на боку висел меч. Я теперь смог разглядеть, что его легинсы и туника сшиты из черных шкур. Поверх них на нем колыхалась под ветром свободная кольчужная куртка, которая была вся перемазана сажей. От шлема до самых плеч спускалась кольчужная сетка, которую викинги называют бармицей. А лицо скрывалось под забралом, изображающим морду скалящегося волка.

Ну, конечно же. Разумеется, волка. Во всех Десяти Мирах обожают волков. Шлемы с волками. Компьютерные заставки с волками. Пижама с волками. И волчьи тематические дни рождения.

Только с этим, пожалуйста, не ко мне. Прямо скажу, не очень люблю волков.

– Лови намек, Магнус Чейз! – Высота голоса козлоубийцы менялась на каждом произнесенном им слоге от сопрано да баритона, будто он говорил через модулятор. – Держись подальше от Провинстауна!

Я стиснул изо всех сил рукоятку меча.

– За дело, Джек!

– А ты уверен? – не торопился он.

Козлоубийца, услышав наш обмен репликами, яростно зашипел. Я и прежде не раз убеждался: многим не нравится, что мой меч говорит.

– Я вот что имею в виду, – продолжил тем временем Джек. – Отиса-то он, конечно, убил. Но его ведь все убивают. Это, так сказать, входит в круг его должностных козлиных обязанностей.

Нашел подходящее время для обсуждения должностных обязанностей Отиса.

– Просто снеси этому типу голову! Или как-нибудь по-другому угроби! – рявкнул я.

Убийца, не будь дураком, развернулся и драпанул.

– Взять его! – проорал громче прежнего я.

– Ну почему, как все самое трудное, так обязательно мне? – закобенился Джек.

– Потому что тебя, в отличие от меня, он убить не может, – продолжая цепляться свободной рукой за крышу, ответил я своему неубиваемому мечу.

– Ну тут ты, конечно, прав, только крутым это тебя не делает, – не преминул подпустить он шпильку в мой адрес.

Я швырнул его вверх. Он, завертевшись спиралью, скрылся из моего поля зрения в той стороне, куда побежал убийца. Теперь до меня доносился лишь голос Джека. Он во все горло распевал песню Тейлор Свифт «Шейк ит офф» в своей собственной версии. Сколько уж раз пытался его убедить, что там никто не трет сыр, но он знай горланит свое:

Сырные терки

Будут тереть, тереть, тереть, тереть, тереть.

При всех эйнхериевских возможностях и освободившейся от меча левой руке мне потребовалось несколько секунд, пока я сумел забросить себя на крышу. Лязг клинков, отразившийся звонким эхом от кирпичных стен зданий, слышится где-то к северу. Я устремился туда. Перепрыгнул через башенки церковной крыши, сиганул через Беркли-стрит, затем еще через несколько зданий, и, наконец, до меня донесся издали возглас Джека:

– Ой!

Многие бы, наверное, не полезли в битву с целью проверки, как там себя ощущают их мечи, однако мне взбрело в голову сделать именно это. Всколебавшись по стене многоэтажного гаража на углу Бойлстон-стрит, я увидел на крыше Джека, который яростно бился, отставивая если не свою жизнь, то уж явно свое достоинство.

Мой меч не упускает возможности при каждом удобном случае напомнить мне, что он самый острый клинок во всех Девяти Мирах. И разрубить, мол, любое может, и сразиться одновременно хоть с дюжиной врагов. Я склонен был ему верить. Ведь он на моих глазах убивал великанов размером с небоскреб. Тем не менее козлоубийца сейчас без видимого труда теснил его к краю крыши. Этот тип при совсем невеликом росте отличался силой и быстротой. Меч из вороненой стали в его руке так и мелькал, то и дело нанося звонкие удары по Джеку, от которых из него сыпались искры.

– Ой! Ой! – истошно вопил мой непобедимый меч при каждом соприкосновении с клинком противника.

Трудно сказать, действительно ли ему грозила опасность, но я все же считал своим долгом прийти на помощь. Но не с пустыми же ведь руками бросаться в схватку. Вот я и вырвал быстро из цементного пола фонарный столб. Нет, мне не то чтобы захотелось выпендриться. Просто ничего более подходящего рядом не оказалось. Правда, стоял еще рядом «Лексус». Но поднять эту люксовую машину не под силу даже эйнхерию.

Я размахнулся двадцатифутовым фонарем и врезал им сзади по козлоубийце. Это его заставило обратить на меня внимание, и в тот момент, когда он ко мне развернулся, Джек метким ударом рассек ему ляжку. Тот, крикнув, споткнулся. Еще один взмах фонарем, и я бы его добил. И в этот момент далекий протяжный вой заставил меня застыть.

Вы, вероятно, презрительно фыркнете: «Магнус, ну что за дела? Из-за банального далекого воя?»

Но я вроде уже говорил: не люблю волков. Когда мне было четырнадцать, двое из этих тварей с горящими голубыми глазами убили мою маму. Встреча с волком Фенриром тоже не подняла волчий рейтинг в моих глазах. Ну и как же, по-вашему, я при таком раскладе своей биографии должен был себя ощущать? Вой-то, который раздавался издали, был совершенно конкретно волчий. Ровно такой же, как я услышал в ночь гибели мамы. Алчный и торжествующий. Вой монстра, настигшего жертву. Он раздавался со стороны парка Бостон Коммон и, завихряясь в колодцах многоэтажек, леденящим эхом ударил по моим нервам.

Я содрогнулся. Фонарный столб, выскользнув у меня из рук, грохотнул по крыше.

– Сеньор, мы еще с этим типом сражаемся или как? – подплыл ко мне Джек.

Убийца, хромая и спотыкаясь, попятился. Мех на его черных легинсах блестел от крови.

– Итак, начинается, Магнус, – проговорил он, и голос его сильнее прежнего колебался от низких к высоким нотам. – Запомни: отправишься в Провинстаун, сыграешь на руку своему врагу.

Скалящаяся маска его забрала словно перенесла меня на три года назад, и я за мгновение пережил события той жуткой ночи. Пожарная лестница, с которой я только что спрыгнул в проулок за нашим домом. Из окон нашей квартиры до меня доносится волчий вой. А затем стекла взрываются вихрем пламени.

– Кто? Кто ты такой? – сумел я все же выдать из себя.

– Некорректный вопрос, – хохотнул утробно козлоубийца. – Правильней на твоём месте было спросить, хочешь ли ты лишиться своих друзей? Если к этому не готов, молот Тора должен остаться потеряннным.

Убийца, пятясь, достиг края крыши и ухнул вниз. Я ринулся следом за ним, но обзор мостовой мне закрыла взмывшая вверх густым сизым облаком голубиная стая. Когда же она улетела, взяв курс на печные трубы Бэк-Бэя, я не увидел внизу ничего. Тип этот словно бы испарился.

– Я мог его взять, – завис рядом со мной Джек. – Ты просто застиг меня в неудачный момент. Мне, видишь ли, не хватило немного времени, чтобы сделать растяжку.

– Мечам растяжка не требуется, – раздраженно отреагировал на его треп я.

– Ох, ну конечно, ты главный эксперт по технике разогрева мышц, – не преминул связать он.

На крышу плавно спланировало голубиное перышко и упало, приклеившись к капле крови козлоубийцы. Я подхватил его. Оно за мгновенье успело окраситься в бурый цвет.

– Ну и что же теперь? – поинтересовался Джек. – К чему был этот волчий вой?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Теперь его уже нет.

– Может, стоит пойти и проверить? – предложил меч.

Я покачал головой.

– Бессмысленно. Вряд ли нас кто-нибудь дожидается там, откуда он раздавался.

«Каким образом этот тип сумел с такой легкостью испариться?» – по-прежнему глядя на окровавленное перышко, думал я. Ясно было одно: убийца в курсе, что молот Тора исчез. И еще у меня в ушах настойчиво продолжали звучать слова: «Хочешь ли ты лишиться своих друзей?»

Голос козлоубийцы был изменен, лицо закрыто забралом, и все же мне не давало покоя чувство, что я его знаю.

На меня ледяной волной накатила тревога.

– Возвращаемся срочно к Сэм.

Едва схватив Джека за рукоять, я почувствовал усталость. Весьма ощутимую, если владеешь оружием, которое может сражаться само по себе. Стоит его коснуться потом, как все,

что ему пришлось испытать в бою, навалится на тебя тяжким грузом. Плечи мои заныли. Я чувствовал, как они покрываются синяками – по одному за каждый удар, полученный Джеком от козлоубийцы. Ноги стали трястись, словно я целое утро провел в фехтовальном зале. Горло сжалось от стыда Джека, который не смог победить противника.

– Не рефлексируй, приятель, – сказал ему я. – Ты хоть его все же ранил. Это гораздо больше, чем удалось мне.

– Ну, в общем, пожалуй, – смущенно проговорил он. Ужасно не любит фиксацию на событиях, в которых дал слабину. – А вам бы, сеньор, наверное, стоило передохнуть. Не в той вы сейчас находитесь форме...

– Со мной полный порядок, – не было у меня времени слушать его рассуждения. – А тебе, Джек, спасибо. Ты действовал совершенно правильно.

Я превратил его снова в кулон и повесил себе на шею. Честно сказать, он был прав. Отдых мне ох как требовался. Больше всего мне хотелось залезть в припаркованный рядом «Лексус» и поспать пару часиков на его уютном сиденье. Только вот где гарантия, что в планы убийцы не входит застать врасплах вернувшуюся в кафе Сэм?

И, подгоняя себя надеждой не опоздать, я устремился по крышам на помощь.

Глава III. Мои друзья пропадают неизвестно куда, чтобы я не тревожился. Спасибо, друзья

Сэм стояла над телом Отиса. Стремящийся в «Чашку» народ огибал это место широкой дугой. Никто из них, впрочем, особой тревоги не выражал. Видимо, Отис им казался просто бездомным в отключке. А уж мне-то, поверьте, известно на собственном опыте, какую брезгливость вызывает подобное зрелище у добропорядочных граждан.

Сэм хмуро глянула на меня. Под ее левым глазом красовался оранжевый свежеприобретенный фингал.

– Почему информатор мертв? – коротко бросила она мне.

– Одним словом не объяснишь, – отозвался я. – А кто это тебе взрезал?

– Это тоже не объяснишь одним словом.

– Сэм...

Она отмахнулась.

– Со мной все в порядке. Значит, это не ты убил Отиса за то, что он съел мою булочку?

– Нет, что ты. Вот если б он съел мою... – Я мрачно хмыкнул.

– Жутко смешно, – проворчала Сэм. – Но все же не скажешь мне, что случилось?

Вид ее вызывал у меня по-прежнему беспокойство, но я постарался выкинуть это из головы и, как мог вразумительно, рассказал ей про козлоубийцу. Тело Отиса вдруг стало таять, уносясь клубами белого пара в небо. Прямо как сухой лед на жаре. Я еще не успел умолкнуть, когда от козла остались лишь тренч, темные очки, шляпа да топор, которым он был убит. Сэм подняла его с пола. Лезвие оказалось не больше смартфона, однако острое словно бритва. На фоне вороненой стали поблескивали антрацитно-черные руны.

– Выкован великанами, – тут же определила Сэм. – Сбалансирован идеально. Оружие явно волшебное, и оно слишком ценно, чтобы его просто так здесь бросить.

– Это все-таки радует, – снова невесело усмехнулся я. – Не хотелось бы, чтобы Отиса порешили каким-нибудь заурядно-стандартным оружием.

Сэм мою шуточку просто проигнорировала, что с каждым разом ей удается все лучше и лучше.

– Значит, лицо убийцы было закрыто волчьим забралом? – деловито осведомилась она. – Это сужает поиски примерно до половины злодеев, которые существуют во всех Девяти Мирах.

– Его-то тело куда отправилось? – покосился я на тренч Отиса.

– С ним ничего не случится, – заверила меня Сэм. – Волшебные существа состоят из туманов Гиннунгагапа. После смерти они сперва превращаются снова в туман, а потом возрождаются. Именно это вскорости с Отисом и произойдет. Будем надеяться, он успеет возникнуть вовремя в поле видимости Тора. В противном случае ему нечем будет поужинать.

Мне показалось, что выражение «будем надеяться» звучало в контексте произошедшего диковато, но, впрочем, не более дико, чем все, что случилось сегодняшним утром. Колени мои уже подкашивались от усталости. Боясь вот-вот рухнуть на пол, я плюхнулся на стул и начал пить свой уже совершенно остывший кофе.

– Козлоубийца знает, что молот пропал, – сообщил я. – Он говорит, отправишься в Провинстаун, сыграешь на руку своему врагу. Тебе не кажется, что он имел в виду...

– Локи? – договорила за меня Сэм и, кинув топор убийцы на стол, тоже села. – Убеждена: он как-то в этом замешан. Вполне в его духе.

Голос ее звучал с досадой и горечью, и меня это не удивляло. Она старалась по мере сил вообще не вести разговоров о Локи. И не только по той причине, что он бог коварства и обмана и воплощает зло. Он ведь к тому же еще был ее отцом.

– Он в последнее время как-то перед тобой проявлялся? – спросил ее я.

– Только в нескольких снах. – Сэм сердито глядела на чашку, крутя ее то по часовой стрелке, то против. Можно было подумать, что она набирает сейфовый код. – Предупреждения разные нашептывал, особенно про... Да ну, не важно. Все это ерунда.

– По твоему виду не скажешь, что ерунда.

Видели, как дрова в камине, набравшись жара, темнеют перед тем, как взорваться пламенем? Именно так потемнели в этот момент глаза у Сэм.

– Он пытается вмешиваться в мою личную жизнь, – глухо произнесла она. – Из кожи вон лезет, чтобы сбить меня с толку и разрушить ее. Мои бабушка с дедушкой и Амир... – Голос ее сорвался. – Но это никак не связано с нашей проблемой молота, – тут же взяла себя в руки она. – Сугубо мои дела, и я с ними вполне могу сама справиться.

– Ты уверена?

Ответ я легко прочитал на ее лице: отвали. Большой, между прочим, прогресс, если учесть, что раньше, когда я слишком давил на нее, она просто размазывала меня по стене и сжимала горло железной хваткой. Факт, что еще ни разу не был придушен до полной потери сознания, объясняю лишь неуклонно крепнущей нашей дружбой.

– Пока могу только определенно сказать одно, – продолжала она. – Локи не мог быть этим козлюбийцей. Ему бы не удалось так ловко орудовать топорами.

– А почему бы и нет? – не совсем понял я. – То есть, конечно, я знаю, технически он заключен богами в тюрьму за убийство. Но все равно без проблем уже несколько раз появлялся передо мной, как только ему приходила охота.

– Да, он может перемещать свою сущность или являться во сне, – кивнула Сэм. – И на какое-то время, путем немислимой концентрации, даже может придать ей вполне определенную форму.

– Как, например, когда он покорила твою маму, – вставил я, снова сильно рискуя, что Сэм сейчас вышибет мне мозги.

Но нет, не вышибла. Такой вот у нас получался в «Мыслящей Чашке» фестиваль нерушимой дружбы и толерантности.

– Да, – продолжала Сэм. – Но тело его при этом все же не обретает достаточной силы, чтобы воспользоваться волшебным оружием. Боги весьма дальновидно лишили его такой возможности, когда накладывали заклятие.

С точки зрения скандинавско-мифологического абсурда такое, видать, имело определенный смысл. Мне весьма живо представился Локи, которого заточили в какой-то пещере. Руки и ноги у него связаны путами из кишок убитых его сыновей. Вот мерзость! Даже подумать страшно. И это проделали боги! А в довершение ко всему подвесили над его головой змею, чтобы яд капал из ее пасти ему на лицо. Чем-чем, а уж милосердием асгардская справедливость точно не отличается.

– Но этот козлюбийца запросто может работать на Локи, – предположил я. – Вдруг это какой-нибудь великан или...

– Да кто угодно, – подхватила Сэм. – Правда, его манера сражаться и двигаться больше смахивает на эйнхерия или даже валькирию.

– Кого-нибудь из Вальгаллы? – Это мне до того не понравилось, что по телу пошел противенький холодок.

– Трудно пока сказать, – чуть пожала плечами Сэм. – Она это или он? Откуда? Но кому-то определенно очень не хочется, чтобы мы воспользовались наводкой Отиса. Только вот выбора у нас нет. И действовать мы должны быстро.

– С чего нам так уж особенно торопиться? – не понимал я. – У Тора нет молота уже несколько месяцев, а великаны при этом ведут себя вполне тихо.

Взгляд, брошенный на меня Сэм, отчего-то напомнил мне души погибших в морской пучине, которые бились в юбках-сетях богини Ран. Страшноватое, прямо скажем, зрелище.

– Процесс ускоряется, Магнус, – тоном, не обещающим легкой жизни, проговорила моя подруга. – Последние мои вылазки в Йотунхейм показали: великаны беспокойны. С помощью волшебства им удалось наложить защиту на свои планы, но я все же почти уверена: им удалось собрать уже целые армии для вторжения.

– Куда? – спросил я.

Налетевший порыв ветерка колыхнул хиджаб на ее голове.

– Сюда, Магнус. И если они явятся в Мидгард, чтобы его уничтожить...

Она умолкла. Меня, несмотря на то что весеннее солнышко грело всю, пробрала дрожь. Став эйнхерием, я узнал, что Бостон – точка пересечения всех Девяти Миров. Из него проще всего попасть в любой из них. Страшно было даже подумать, что может произойти, если сюда нагрянут полчища великанов. Я представил себе, как над Ньюбери-стрит нависают их тени, а земля содрогается под их сапогами, подкованными железом, размером с тяжелые танки.

– Их пока еще сдерживает страх перед Тором, – снова заговорила Сэм. – Он им мешал распоясаться много столетий подряд. И сейчас они медлят только по той причине, что не уверены до конца в его уязвимости. Но если поймут, что настал их час...

– Но ведь Тор – не единственный бог, – перебил ее я. – Разве Один, Тюр или мой отец Фрей не дадут отпор великанам?

Но я, даже еще не договорив, понял, насколько это смешно. Один вообще абсолютно непредсказуем. То исчезнет куда-то с концами, то неожиданно вдруг появится, но только не для сражений, а чтобы провести какую-нибудь мотивационную презентацию. Тюр славится храбростью в бою один на один, но, по-видимому, не способен сразиться с полчищами врагов. Я, правда, его ни разу не видел, однако сильно это подозреваю. Фрей же, отец мой, вовсе бог лета, плодородия и жизнеспособности. Желаете, чтобы у вас цветы распустились, урожай был пышный или рана скорей затянулась на теле, это к нему. Но отпугивать орды из Йотунхейма явно не по его части.

– Нам надо справиться до того, как начнется вторжение, – проигнорировала мою глупую реплику Сэм. – Значит, Мьельнир должен как можно скорее вернуться к хозяину. Ты, Магнус, уверен, что Отис сказал именно про Провинстаун?

– Ага. Курган Твари, – в точности повторил я его наводку. – Это что, очень плохо?

– По десятибалльной шкале, это примерно зашкаливает за тридцать, – поторопилась обрадовать меня Сэм. – Без Блитцена и Хэртстоуна нам не справиться.

Перспектива вновь с ними встретиться, пусть даже в таких обстоятельствах, сильно меня приободрила.

– Ты знаешь, где они? – спросил я у Сэм.

– Я знаю, как с ними встретиться, – замялась она. – Они скрылись в одном из убежищ Мимира.

Ну, полный сюр! Мимир – это бог, а точнее, одна голова от бога, которую очень давно отрубили от тела. Он торгует водой из колодца знаний в обмен на годы рабства. Именно по его приказу попавшие в кабалу к нему Хэрт и Блитц следили за мной, когда я был бездомным, потому что я «мог оказать влияние на судьбы миров». Мимир возглавляет межмировой бизнес игровых автоматов и другие мутно-теневые предприятия. Ну и с какого же перепуга два моих дорогих приятеля, которых Один совсем недавно избавил от рабства этой башки, снова к ней поспешили? Да, у Мимира действительно есть несколько очень надежных убежищ, но он ведь не станет предоставлять их бесплатно. Что же он их вынуждает делать в качестве арендной платы?

– От кого и зачем они прячутся?

– Зря, конечно, они тебе это сами не объяснили, – ответила Сэм. – Но им не хотелось тебя волновать.

Это звучало так несмешно, абсурдно и дико, что я засмеялся. Они не хотели меня волновать, поэтому просто бесследно сгинули с моего горизонта неизвестно куда! Ну да. Вот двое близких ваших друзей вдруг пропали, а вы после этого просто так выкидываете их из головы и следуете по жизни (в моем случае – так скорее по смерти, но в данном случае несущественно) спокойно дальше.

– Не хотели меня волновать, – произнес я вслух.

– Видишь ли, Магнус, тебе тогда было нужно прижиться в Вальгалле, сосредоточиться на освоении навыков, – явно прочтя у меня на физиономии всю гамму чувств, начала объяснять мне Сэм. – А Хэртстоун и Блитцен просто прочли на рунах дурное предзнаменование, вот и приняли, так сказать, превентивные меры. Скрылись из вида для пользы нашего дела.

– Дурное предзнаменование? – переспросил я. – Не то ли же самое, которым мне угрожал убийца? Ну, что я могу лишиться своих друзей.

– Риск есть. – Сэм поднесла ко рту чашку с кофе. Пальцы ее дрожали. – Но без рунной магии Хэрта и подземных навыков Блитца нам Курган Твари не одолеть. Сегодня же выйду с ними на связь. А потом уж все расскажу тебе, Магнус. Обещаю.

– Имеешь в виду, есть что-то еще, чего я не знаю?

Я внезапно почувствовал себя так, будто последние шесть недель сидел на всех праздниках за детским столиком и не услышал, о чем говорили взрослые. Ситуация эта мне не понравилась.

– А не слишком ли ты меня от всего защищаешь, Сэм? Я ведь уже умер. Я долбаный воин Одина и живу в Вальгалле. Вполне в состоянии помогать тебе.

– И поможешь, – пообещала она. – Но тебе еще нужно кое-чему научиться. С Мечом Лета нам повезло. А вот для того, что вскоре произойдет, тебе потребуется напрячь все свои навыки.

Сэм не скрывала тревогу, и я поежился. Что же нам предстоит, если в сравнении с этим она считает историю с Мечом Лета везением? Трое наших соратников отдали свои жизни, а нам лишь с огромным трудом и в последний момент удалось удержать волка Фенрира и лорда огненных великанов от разрушения Девяти Миров. Если Сэм называет это везением...

– Ну, а теперь я срочно должна возвратиться в школу. – Она протянула руку и, взяв мою булочку с клюквой, оранжевая глазурь на которой в точности совпадала с ее синяком, отъела кусочек. – Углубленный курс физики. Его нельзя больше пропускать. А после занятий мне предстоит решение кое-каких домашних проблем.

Я вспомнил, что она говорила про Локи. Видимо, он и впрямь постарался нагадить ей в личной жизни.

– Моя помощь не требуется? Могу, например, забежать в «Фалафельную Фадлана» и что-нибудь передать Амиру, – немедленно предложил я.

Щеки у нее вспыхнули:

– Нет, уж вот этого точно не надо.

– Как хочешь, – не стал спорить я.

– Магнус, спасибо. Я знаю: намерения у тебя самые добрые. Но я в состоянии с этим справиться самостоятельно. А с тобой мы сегодня увидимся на пиру в честь... – Она поморщилась. – В общем, сам понимаешь: будут приветствовать новенького.

Ясное дело, она имела в виду ту самую душу, ради которой спешно покинула место встречи с Отисом. Значит, теперь, как ответственная валькирия, должна представить свежеприбывшего эйнхерия на очередном вальгалльском пиру.

Я уставился на синяк у нее под глазом.

– Это он тебе, что ли, врезал?

– С ним вообще все очень непросто, – подтверждая мою догадку, хмуро отозвалась она.

Я знал, что иные эйнхерии отличаются весьма буйным нравом, но чтобы ударить валькирию... Просто самоубийство какое-то, пусть по факту ты даже уже и умер.

– Он что, идиот? – любопытствовал я у Сэм. И вдруг меня осенило: – Слушай, а это не связано с волчьим воем, который я слышал на крыше?

Карие глаза Сэм потемнели до черноты.

– Вот вечером все и узнаешь. – Резко поднявшись со стула, она взяла со стола топорик козлюбийцы. – А теперь отправляйся-ка, Магнус, обратно в Вальгаллу. Там ты будешь сегодня иметь удовольствие встретиться с... – Она осеклась на мгновение, словно решая, стоит ли договаривать, и добавила: – С моим братом.

Глава IV. Меня задавил гепард

Когда выбираешь жизнь после смерти, важно учесть месторасположение.

Кого-то, возможно, прельстит эконом-вариант сельской жизни в Фолькванге и Нифльхейме, но мне лично больше по сердцу небытие в Вальгалле. Вход туда из Мидгарда располагается в самом центре города Бостона, напротив парка Бостон Коммон, на Бикон-стрит, а значит, даже и померев, вы останетесь в шаговой доступности от лучших магазинов и ресторанов и всего в минуте ходьбы от станции Парк-стрит.

О, Вальгалла, ты обладаешь всем, что нужно для викинга. Хорошо, извините, я обещал управляющему не раскрывать секрет входа в отель из мира смертных, но туда на самом деле очень удобно возвращаться.

Прикупив напоследок в «Мыслящей Чашке» пакетик кофейных зерен в шоколаде, я направился обратно в отель. Миновал Общественный Парк. Прошел под мостом, где бездомным три года подряд находил убежище для ночевки. Сейчас там сидели в гнезде из спальников два пожилых чувака, по-братски делясь едой, найденной на помойке, с маленьким терьером.

– Эй, братцы! – Сперва я отдал им шляпу и тренч Отиса, а затем, пошарив в кармане, все деньги смертных, которые у меня в тот момент оставались. Приблизительно доллара двадцать четыре.

Они прибалдели до потери речи.

Пожелав им хорошего дня, я двинулся дальше. В груди у меня саднило, словно туда вонзился топор. Я-то теперь нежусь в роскоши только по той причине, что меня два месяца назад убил великан. Мне, можно сказать, повезло, а этим двоим ребятам и их терьеру – нет. Нечестно здесь как-то все обстоит.

Будь моя воля, собрал бы таких бедолаг и крикнул:

– Видите особняк? Там потрясающие номера и вечная бесплатная еда! Так за мной же, ребята!

Только ведь не сработает.

Путь смертным в Вальгаллу заказан. Специально себя убивать, чтобы там оказаться, тоже бессмысленно. Туда берут только тех, кто погиб в процессе незапланированного самопожертвования. Да и то при условии, если кто-нибудь из валькирий сочтет их поступок действительно героическим.

Жестковатые правила, да? Но, по-моему, даже они куда справедливее тех, которые существуют в высотках, выросших за последнее время в центре города. Хоть сто раз подряд погибаете героически, квартира без денег вам там не достанется. Это апартаменты для миллиардеров, и большинство их вообще пустует, потому что это их третьи или четвертые квартиры. Явись великаны в Бостон лишь с целью разрушить такие высотки, а после убраться к себе в Йотунхейм, ничего не имел бы против.

Ну вот и фасад отеля «Вальгалла». Дорогой городской особняк в колониальном стиле, стоящий в ряду почти таких же. Отличала его от соседей только стена высотой в пятнадцать футов, которая окаймляла сад. Ни ворот, ни калитки в ней не было. Проход к зданию вовсе отсутствовал. Первый пояс защиты от незейнхериев.

Одолев эту стену прыжком, я очутился в саду рядом с деревом Глазир. Несколько валькирий, устроившись на его ветвях, срывали с них листья из чистого двадцатичетырехкаратного золота. Они помахали мне в знак приветствия, я ответил им тем же, не останавливаясь, взбежал по ступенькам особняка и сквозь тяжелые двойные двери проник в холл отеля величиной с кафедральный собор.

Там шла обычным своим чередом уже привычная мне жизнь. Некоторые из подростков-эйнхериев, расположившись на диванах и креслах перед огромным камином, забавлялись

настольными играми. Другие просто лениво подкидывали и ловили боевые топоры. Стайка ребят в зеленых пушистых халатах с логотипом отеля бегала друг за другом, лавируя между грубо отесанными колоннами, натканными по всему холлу. То и дело слышались взрывы громкого хохота. Он разносился эхом под сводчатым потолком, стропила которого состояли из тысяч копий с сияющими остриями.

Я подошел к столу регистрации. По времени там сейчас вполне мог оформляться таинственный братец Сэм, имевший наглость врезать ей в глаз. С внешней стороны стойки, однако, никого не было. Зато управляющий Хельги, сидевший за ней, сердито уткнувшись в экран компьютера, выглядел крайне странно. Рукав на его зеленом костюме отсутствовал. Массивная кустистая борода определенно лишилась нескольких солидных клоков. А прическа куда сильнее обычного смахивала на птицу канюк, которая с налета расплющилась о ветровое стекло встречной машины.

– Не говори сейчас с ним, – предостерег меня знакомый голос.

Это Хундинг, швейцар, подкрался тихонько ко мне. Видок у него тоже был еще тот. По красному бородавчатому лицу протянулись борозды свежих царапин. Состояние бороды еще хуже, чем у управляющего. Ну будто она случайно попала в машинку для ошипывания кур.

– Босс в ужасном настроении, – покосился с опаской он в сторону Хельги. – Настроение – сейчас побью тебя палкой.

– Да ты и сам-то вроде не больно счастлив, – отметил я. – Что тут случилось?

– Наш самый новый гость случился, – яростно затряс головой швейцар, уронив на пол еще один клочок из того, что еще оставалось от его бороды, и часть уса.

– Брат Самира?

– Хм-м, – протянул Хундинг. – Ну, если хочешь, называй так. И чем она только думала? Надо же было притащить к нам в Вальгаллу монстра в натуре.

– Монстра? – Мне тут же вспомнился полутроль Икс. Его в Вальгаллу доставила тоже Самира. Ох, как ее за это шпыняли. Только потом-то выяснилось, что это замаскированный Один. – Имеешь в виду, этот новенький правда реальный монстр? – продолжал я допытываться у Хундинга. – Вроде волка Фенрира или...

– Хуже. Вот тебе мое мнение, – выдохнул Хундинг. – Проклятый аргр! Как посмотрел, куда его разместили, чуть всю кожу с физиономии мне не содрал. И никаких чаевых.

– Швейцар! – проорал из-за стойки Хельги. – Хватит трепаться! Живо ко мне! Тебе надо прочистить нитью зубы дракона!

Хундинг тоскливо вздохнул.

– Он заставляет тебя чистить нитью зубы дракона? – посочувствовал ему я.

– И отворотное это занятие занимает к тому же целую вечность. Ладно. Пойду. Что ж поделаешь.

– Эй! Вот. Возьми, – вручил я ему пакетик с кофейными зернами в шоколаде.

Глаза старого викинга увлажнились.

– Ну ты, Магнус Чейз... Вот прямо задушил бы сейчас тебя в своих благодарных объятиях.

– Швейцар! – проорал снова Хельги.

– Попридержал бы ты лучше своих восьминогих коней, – в сердцах бросил Хундинг и поспешил к стойке, избавив меня таким образом от своих благодарно-смертельных объятий.

Сколь бы ни трудно мне приходилось в Вальгалле, разве возможно сравнить это с участью Хундинга?! Бедняга, едва оказавшись здесь, стал подчиненным Хельги – заклятого своего врага в смертной жизни. По-моему, он заслуживает иногда шоколада. Тем более если учесть, как ко мне относится. Он уже несколько раз оказывал мне бесценную помощь. К тому же он в курсе всех слухов и лучше других ориентируется в отеле.

Следуя к лифту, я размышлял, кто такой этот аргр и почему Сэм притащила его в Вальгаллу. Впрочем, меня куда больше в этот момент занимал вопрос, удастся ли пообедать и хоть немного вздремнуть перед ежедневной битвой во второй половине дня. Если грозит быть убитым в бою, лучше всего встретить гибель сытым и отдохнувшим. Это способствует более быстрому возрождению.

Некоторые из эйнхериев, мимо которых я проходил, покивали мне в знак приветствия, но большинство просто делали вид, что не замечают меня. Да, разумеется, я вернул Меч Лета и справился с Волком Фенриром, однако многие здесь считали меня чуваком, из-за которого погибли три валькирии и чуть не начался Рагнарок. Факт, что отец мой – ванский бог лета Фрей, тоже не поднимал меня в их глазах. Потомство этого бога редко оказывается в Вальгалле. Словом, мне не хватало крутости, и тусоваться среди сливок местного общества из детей боевых богов Тора, Тюра и Одина меня как-то не звали.

Что ж, и в Вальгалле своя иерархия. Ну, точно как в школе. Каждый принадлежит к какой-нибудь группке. Отличие только одно. Если школьная жизнь, хоть и кажется вечной, но все же когда-то кончается, то здесь-то и впрямь все навечно. У меня тоже образовалась здесь своя группка. Мои соседи по девятнадцатому этажу. Вот к ним-то я и хотел сейчас поскорее подняться.

В лифте мне сильно подпортила настроение музыка, из-за чего к терзавшим меня вопросам – кто убил Отиса? о чем он меня собирался предупредить? что из себя представляет бра-тишка Сэм? – добавился новый: какому умнику пришло в голову перепереть песню «Возьми меня на Луну» на древнескандинавский язык да еще озвучить подобным бредом кабину лифта?

Двери открылись на девятнадцатом этаже, и, едва я шагнул в холл, меня снесло с ног какое-то большое животное. Двигалось оно с такой скоростью, что, прежде чем скрылось за поворотом коридора, взгляд мой успел зафиксировать лишь черно-белые пятна. Зато на моих кроссовках, в том месте, где эта тварь на них наступила, зияли дыры. Ноги мои запульсировали множеством маленьких гейзеров боли.

– Ой! – запоздало взвыл я.

– Останови гепарда! – вынесся на меня из глубины коридора Томас Джеферсон-младший, держа винтовку с примкнутым штыком.

За ним следовали другие мои соседи – Мэллори Кин и Хафборн Гундерсон. Все трое, увидев меня, тормознули. Они шумно пыхтели и обливались потом.

– Ты видел его? – скороговоркой осведомился Ти Джей. – Куда он девался?

– С какой, интересно, радости у нас здесь гепард? – спросил я, одновременно указывая налево.

– Уж можешь поверить, это не наша идея, – закинул на плечо винтовку Ти Джей. На нем, как обычно, был синий мундир американской армии времен Гражданской войны, под которым виднелась зеленая фирменная футболка Вальгаллы. – Наш новый сосед не очень рад пребыванию здесь, – добавил он.

– Новый сосед? Гепард? – уставился я на него. – Хочешь сказать, что это и есть та душа, которую привела сюда Сэм? Дитя Локи? Оборотень?

– Помимо всех других прелестей, это тоже, – подтвердил Хафборн Гундерсон.

Сейчас берсерк был одет минимально. Только в бриджи из кожи. Так что желающие могли видеть его атлетический торс, обвитый тату в виде рун. – Мне этот мейнфретр чуть лицо не разбил, – проинформировал он меня.

За два месяца жизни в Вальгалле я успел нахвататься впечатляющего количества древненорвежских ругательств, а потому сразу понял, что он имел в виду. Мейнфретр можно перевести как «вонючий пук», а следовательно, самый позорный вид подобного действия.

– Лицу твоему разбивание только пошло бы на пользу, – пряча в ножны оба своих ножа, вмешалась Мэллори Кин. Ирландский акцент сейчас очень явственно звучал в ее речи, как,

впрочем, всегда, когда она злилась или была взволнована. Добавьте к этому ярко-рыжие волосы и красные щеки. Ну просто вылитая маленькая огненная великанша, разве что настоящие не столь пугающе выглядят. – Меня больше всего тревожит, что этот демон разнесет отель в клочья, – продолжала она. – Видели, что он с номером Икса-то сотворил?

– Значит, он занял бывший номер Икса? – совсем удивился я.

– И разнес его на куски. – Мэллори растопырила средний и указательный пальцы и чиркнула ими по подбородку. В ее, ирландской, трактовке это обозначало не знак победы, а нечто гораздо более грубое. – Являемся мы, понимаешь, сказать ему: «Добро пожаловать!» – и обнаруживаем, что номер в руинах. Никакого уважения.

Я вспомнил свой собственный первый день в Вальгалле, когда, обнаружив в себе неожиданно новую силу, метнул для проверки диван через гостиную, а затем пробил кулаком дыру в стене ванной комнаты.

– Ну-у, процесс адаптации – дело сложное.

– Не до такой же степени, – покачал головой Ти Джей. – Нас он, едва увидев, вообще попытался убить. Не говоря уж о том, какими словами приветствовал.

– Первоклассные оскорбления, – подхватил Хафборн Гундерсон. – В этом вполне отдаю ему должное. Но я ни разу еще не видел, чтобы всего одно существо сумело так основательно столько всего расфигачить. Пойдем-ка, Магнус, взгляни. Это стоит того.

Дверь в бывший номер Икса была открыта, и я, даже не заходя еще внутрь, весьма впечатлился масштабами бедствия.

– Богиня Фригг! – вырвалось у меня, когда я, перебираясь через обломки мебели, вошел в холл.

Я никогда раньше не был в номере Икса. Планировка его оказалась такой же, как у моего собственного. Посередине атриум, от которого располагались крестом входы в четыре помещения-секции: холл, гостиную, спальню и кухню. В общем, если посмотреть сверху, получался как бы огромный знак плюс. Так вот, гостиная, где явно еще недавно стояли книжные стеллажи и диван, превратилась теперь в настоящую зону катастрофы. Уцелел лишь камин, но даже и его полка покрылась такими выбоинами, словно наш новый сосед основательно потрудились над ней с палашом.

Судя по тому, что я мог увидеть из холла, кухня и примыкавшие к ней ванная с туалетом были тоже полностью уничтожены. Я шагнул в атриум. В центре его, как и у меня в номере, высился ствол огромного дерева, нижние ветви которого звездообразно раскинулись по потолку, а верхние протянулись вверх, к безоблачно-голубому небу. Пол был, вместо ковра, покрыт густой нежно-зеленой травой. Она мягко пружинила под ногами, а сверху оведал легкий бриз, напоенный запахом горной лаванды. Все точно так же, как у меня, хотя в номерах у моих друзей были атриумы с закрытыми потолками.

– При Иксе здесь все было так же? – повернулся к ним я.

Мэллори прыснула.

– Разбежался. При Иксе здесь все было задраено наглухо, потому что атриум превратился в бассейн с водой из горячих серных источников. Ох и воняло же тогда здесь. Хуже, чем из подмышек у троллей.

– Скучаю я как-то по Иксу, – выдохнул Хафборн. – Мне очень его не хватает. А здесь? – обвел он глазами атриум. – Ну да, все совсем по-другому. – Номера ведь в Вальгалле подстраиваются под вкусы владельцев.

Мне стало не по себе. Раз мой номер точно такой же, как у Самариного новичка, получается, значит, и вкусы у нас совпадают? Мне решительно не хотелось ни в чем походить на какого-то дикого кота, наносящего травмы ногам ни в чем не повинных людей и сеющего вокруг себя хаос и разрушение.

Атриум по краям был тоже усеян обломками. Все стоячие полки это милейшее существо перевернуло вверх дном. Трава пестрела разноцветными черепками фаянсовой посуды.

Я наклонился и подхватил отколотое дно горшка.

– Выходит, наш милый мальчик гепард не только все это разбил, но сначала и изваял?

– Именно, – ткнул в сторону кухни своим штыком Ти Джей. – Там есть гончарный круг и специальная печь для обжига.

– А посуда-то, между прочим, очень хорошего качества, – отметил Хафборн. – Ваза, которую он запулил мне в лицо, была прекрасна и опасна. Прямо как наша мисс Кин.

Красно-коричневое лицо Мэллори зарделось оранжевым цветом перца хабанеро.

– Ты, Гундерсон, идиот, – обратилась она к своему бойфренду, выразив таким образом чувство глубокого восхищения и любви.

Продолжая крутить в руках осколок горшка, я вдруг заметил, что на дне его выдавлено клеймо: инициалы А. Ф., а под ними две змеи, которые, переплетаясь в сложном узоре и обхватывая друг друга хвостами голову, образовывали латинскую букву «S»:

Мне почему-то резко не захотелось думать, как все это расшифровывается. Пальцы мои словно сами собой разжались. Осколок брякнулся на пол. Я поднял доньшко от чего-то другого. Снова то же клеймо!

– Символ Локи, – немедленно сообщил мне Гундерсон. – Гибкость, способность меняться, увертливость.

В ушах у меня зашумело. Этот символ я уже видел. Совсем недавно. В собственном номере.

– Откуда ты знаешь? – спросил я у Хафборна.

– Как мне уже приходилось вам говорить, я проводил свое время в Вальгалле с пользой, и у меня теперь есть ученая степень в области германской литературы, – гордо он выпятил грудь колесом.

– О чем он упоминает всего лишь по несколько раз на дню, – вклинулась Мэллори.

– Эй, ребята! Зайдите-ка в спальню, – позвал нас оттуда Ти Джей.

Поспешив туда, мы увидели, что он подцепил на штык из наваленной кучей горы одежды темно-зеленое шелковое платье без рукавов.

– Шикарное, – шелкнула языком Мэллори. – Между прочим, от Стеллы Маккартни.

– Откуда ты знаешь? – нахмурился Хафборн.

– Я тоже провожу с пользой время в Вальгалле, – мастерски сымитировала она его пафосную интонацию. – И получила ученую степень в области моды.

– Молчи, женщина, – пробормотал Хафборн.

– А это видели? – поднял в это время Ти Джей из кучи одежды темно-зеленый смокинг с обшитыми розовым шелком лацканами.

Башку мне совсем преклинило. Клейма с символом Локи на черепках посуды. Дикий разгром в бывшем номере Икса. Горы зелено-розовой разнополой одежды.

– Выходит, их здесь поселилось двое? – в обалдении глянул на друзей я. – У него что, есть сестра?

Хафборн фыркнул:

– Ти Джей, ты сам ему объяснишь или мне помочь?

По коридору разнесся трубный звук рога.

– Время обеда, – тут же отреагировал на него Ти Джей. – Пошли. За едой и договорим.

Трое моих друзей направились к двери, а я так и остался сидеть на корточках над горой осколков, таращась на логотип с инициалами.

– Магнус, ты идешь? – поторопил меня Ти Джей.

В лифте я, как вы помните, жаждал поесть и после вздремнуть, но теперь ни того ни другого мне уже не хотелось.

– Идите, – махнул друзьям я, хватая с пола еще один черепок с клеймом. – Мне надо кое-что проверить.

Глава V. Личная жизнь моего меча куда лучше, чем моя собственная

Идти на обед в таких растрепанных чувствах мне и впрямь не следовало. Там ведь у нас возле шведского стола бьются насмерть, и меня бы сейчас почти наверняка насадили на вилку для мяса фондю еще прежде, чем я бы успел до конца наполнить тарелку.

В Вальгалле вообще подавляющее количество коллективных встреч и общений происходит до смерти. Игра в скрэбл. Сплав на плотках по бурным рекам. Поедание блинов. И даже игра в крокет. (По поводу последнего особое предупреждение: никогда не соглашайтесь играть в викингский крокет!)

У себя в номере я, прежде чем оглядеться, несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, готовясь к тому, что сейчас увижу такой же разгром, как в апартаментах А. Ф. Номера-то у нас одинаковые, вот у меня возникло сильное опасение, что мой может из солидарности сотворить с собой то же самое. Но нет: в нем все оставалось по-прежнему. Разве что было гораздо чище, чем в тот момент, когда я из него уходил.

Никогда здесь не видел ни одного уборщика, и для меня остается полной загадкой, каким образом они умудряются в мое отсутствие появиться, проделать свою работу и незаметно исчезнуть. Непременно заменят белье на кровати, пусть я даже в ней и не спал. Выскребут до блеска ванную комнату, хотя я оставляю ее обычно чистой и прибранной. Сложат и выгладят всю одежду, хотя она у меня и так остается аккуратно сложенной. Выстирают и накрахмалят нижнее белье. Вы только вдумайтесь: они крахмалят мне нижнее белье!

Меня до сих пор это как-то смущает. Мало того что живу в столь роскошных апартаментах, меня еще в них и обслуживают по первому разряду. Я же привык все делать самостоятельно. Мама с детства меня приучила к этому. Но в какой бы чистоте я ни оставлял свой номер, обслуга безжалостно стерилизовала там каждый предмет, к тому же еще оставляла каждый раз какой-нибудь подарок, что приводило меня в большее замешательство, чем накрахмаленное белье.

Ноги сами собой понесли меня к камину. Первый раз ступив в этот номер, я обнаружил на мраморной полке над очагом снимок, запечатлевший меня, восьмилетнего, вместе с мамой на вершине горы Веллингтон. С той поры рядом с ним возникло еще несколько фотографий. Иные из них я знал с детства, другие увидел лишь после того, как они появились здесь. Не знаю уж, где обнаружила их гостиничная обслуга. Может быть, просто по мере того, как номер мой под меня подстраивался, они появились из космоса. Или Вальгалла хранила где-нибудь в облаке резервную копию сцен земной жизни каждого из эйнхериев.

Взгляд мой остановился сперва на фото кухни Аннабет. Она там стоит перед Золотыми Воротами в Сан-Франциско. Ветер ерошит ей светлые волосы, в серых глазах затаился веселый блеск, будто она услышала или увидела что-то очень смешное.

Мне видеть ее всегда радостно. Чувствую с ней родство не только по крови, но и по духу. Я вспомнил о нашей последней встрече, и меня охватила тревога.

Как уверяла Аннабет, наше семейство Чейзов, в силу каких-то причин, особенно притягательно для древних богов. Может, мы такие обаятельные? Или шампунем правильным головы моем? Как бы там ни было, факт остается фактом. Мать Аннабет, греческая богиня Афина, влюбилась в ее папу Фредерика, а мой отец Фрей – в мою маму Натали. Подойди ко мне кто-нибудь со словами: «Сюрприз! Сюрприз! Ацтекские боги живы-здоровы и процветают в городе Хьюстоне, а твоя вторая кухня приходится внучкой Кецалькоатлю!» – пусть не рассчитывает, что я после этого, вопя от шока и ужаса, брошусь с утеса прямо в Гиннунгагап. Видите ли, я к такому как-то уже привык и теперь не особенно удивляюсь.

Аннабет же тем более относилась к этому просто. По ее мнению, старые мифы – совсем не вымысел, а реальность, которая сохранилась до наших дней, передаваясь из поколения в поколение в верованиях и памяти. И пока живы эти истории, дюжины греческих, римских и прочих древних богов тоже по-прежнему будут жить, действовать и мериться силами, как и в далекие прежние времена. А впечатляющие истории, как известно, не умирают.

Мы с Аннабет собирались еще об этом поговорить, но у нее пока как-то не получается выбрать время для встречи со мной, а мобильной связью она почти не пользуется. Говорит, что она опасна для полукровок вроде нас с ней, хотя я лично этого не замечаю. У меня с мобильниками ноль проблем. В общем, молчание ее затянулось. С января ни слуху ни духу. Стараюсь не волноваться по этому поводу, но все равно тревожно. Да и неплохо бы разузнать у нее подробно, что происходит в греческих и римских мифах.

Я схватил с полки еще одну фотографию. На нее я гляжу далеко не с таким удовольствием, как на снимок Аннабет. Мама и два ее брата сидят на ступеньках нашего семейного особняка из песчаника. Всем им где-то немного за двадцать. Мама выглядит совершенно так же, как я ее помню. Короткая стрижка с неровными прядями, заразительная улыбка, веснушки, фланелевая рубашка, рваные джинсы. . . Ох, как же она умела радоваться жизни! Подсоединить к ее этому ощущению генератор, и электричества явно хватило бы на весь Бостон.

Рядом с мамой на снимке сидит дядя Фредерик – отец Аннабет. Под кардиганом, который явно великоват ему, рубашка с оксфордским воротником, бежевые слаксы задрались вверх до середины икр. В руках у него модель биплана времен Первой мировой войны. Губы растянуты в чудаковатой улыбке.

Старший брат Рэндольф пристроился позади них на верхней ступеньке. Ему там явно лет двадцать пять, не больше, но даже тогда он выглядел уже старым. Коротко стриженные волосы до того светлые, что кажутся седыми. Круглым крупным лицом и массивной фигурой он смахивает скорее не на выпускника университета Лиги Плюща, а на вышибалу из ресторана. Губы его растянуты в улыбке, но взгляд настороженный, а поза такая, словно бы он готов вот-вот кинуться на фотографа и растоптать его камеру.

Мама мне множество раз настойчиво повторяла: «Ни под каким видом не имей дело с Рэндольфом. Ему нельзя доверять». Она и сама много лет подряд сторонилась его и, невзирая на все его приглашения, отказывалась ходить со мной в наш фамильный особняк на Бэк-Бэе.

В день моего шестнадцатилетия Рэндольф сам разыскал меня. От него-то мне и случилось узнать, что отец мой – бог Фрей. Но, самое главное, он навел меня на Меч Лета, из-за чего меня тут же убили. Достаточный, согласитесь, повод, чтобы в дальнейшем изо всех сил избегать встреч с добрым старым дедушкой Рэндольфом. Аннабет, правда, со мной не согласна. Ей кажется, что я должен распространить на него презумпцию невинности.

– Он все же член нашей семьи, Магнус, – сказала она мне перед своим отъездом в Нью-Йорк. – А это что-то да значит.

Может, я бы и согласился с ней, если бы не считал, что Рэндольф опасный тип, от которого нужно держаться на расстоянии. Вот только, увы, даже со своей новой силой эйнхерия пока не могу закинуть его достаточно далеко от себя.

Вы можете мне, конечно, сказать: «Не слишком ли ты с ним сурово, Магнус? Он ведь и впрямь тебе дядя. Стоит ли так к нему относиться только из-за того, что мама твоя всю жизнь его ненавидела, он на тебя до твоих шестнадцати не обращал никакого внимания, а когда обратил, то ты сразу погиб. Может, он как бы и не особенно виноват».

Ладно, допустим, я к нему субъективен. Но речь сейчас не о том. Меня взволновали не наши с ним прошлые дела, а весьма интересное изменение, которое появилось на снимке совсем недавно. Ручаюсь, неделю назад этого еще не было. Но сейчас на щеке у Рэндольфа можно было заметить отметину. Она виднелась не очень ясно, словно развод от воды, но я-то знал теперь, что это такое.

На всякий случай я все же взглянул на осколок посуды, который принес из комнаты А. Ф. Выдавленный на нем змеиный символ в точности совпадал с отметиной, появившейся на лице моего дорогого дяди. Кто же мог заклеить его знаком Локи? Я силился как-то объяснить это, но лишь терялся в смутных догадках.

Поговорить бы сейчас об этом с Хэртстоуном – экспертом по рунной магии. Или с Блитценом – докой по части волшебных предметов. И Сэм мне сейчас не хватало. Она-то уж мигом бы привела меня в чувство, если бы оказалось, что я сейчас просто спятил и вижу то, чего нет в действительности.

Увы, ни с кем из троих друзей я сейчас посоветоваться не мог, поэтому, потянувшись к кулону на шее, оживил Джека.

– Рад приветствовать тебя, сеньор! – сделав сальто в воздухе, тут же воскликнул он, и руны на его лезвии засияли синим и красным. Ну прямо огни дискотеки. Очень, знаете ли, способствует серьезной беседе. – Удачно, что ты сейчас меня разбудил, – бодренько продолжил мой меч. – Мне как раз тут скоро свидание предстоит с одной алебардой. Ох и горячая, доложу тебе, штука. Проспи я такое, чувак, просто впору себя заколоть.

– Твои интимные отношения с волшебным оружием женского пола меня не касаются, – оборвал его я.

– И очень зря, – прогудел осуждающе он. – Тебе самому бы невредно хоть иногда ходить на свидания. А кстати, пойдем-ка сегодня вместе. У моей алебарды есть чудненькая подружка.

– Джек! – мрачно глянул на него я.

– Как хочешь, – исторг он разочарованный вздох, и игривые дискотечные огоньки на его полотне сменились сосредоточенно-синим индиго. Дамочки-алебарды, наверное, просто балдеют от таких его смен цветовых настроений. – Случилось что-то? – встревожился он. – Надеюсь, нам больше не предстоит битва с ниндзя?

Я показал ему змееобразную метку на черепке.

– Что-нибудь знаешь про этот символ?

Джек подлетел поближе.

– Естественно. Один из знаков Локи. Я хоть и не обладаю ученой степенью по германской литературе, но могу с полной уверенностью утверждать: это символ чего-то змеиного.

Исчерпывающее объяснение! Похоже, я мог бы с таким же успехом вообще не трудиться задавать ему вопросы.

– Так вот, – продолжил все-таки я. – Наш новый сосед ваяет посуду из глины. И на дне каждой вещи ставит именно это клеймо.

– Ну, в таком случае полагаю, что это сын Локи, – многозначительным тоном изрек мой меч.

– Это мне и без тебя известно, – торопливо проговорил я. – Ты лучше скажи, зачем ему таким хвастаться? Вот Сэм, например, избегает даже упоминания о своем папаше. А этот штампует на всех изделиях его знак.

– На вкус и цвет, как известно, товарищей нет, – глубокомысленно изрек Джек. – Однажды мне, например, повстречался метательный меч с рукояткой из пластика. Чудовищная вульгарность!

Я снова взял с полки камина групповую фотографию мамы и двух моих дядей.

– Видишь такой же знак на щеке у Рэндольфа? Так вот, он возник здесь не более недели назад. Есть какие-то мысли по этому поводу?

Джек, вонзившись острием в ковер, начал клониться к снимку, пока чуть не уткнулся в него рукоятью. Близорукий он, что ли? Или, скорей, в его случае, близорукоятный?

– Интересуешься моим мнением? – спросил он.

– Да.

– Ну-у, – протянул он после короткой паузы. – Мне это кажется весьма странным.

Я надеялся от него услышать что-то вдобавок к этому мудрому замечанию, но напрасно. Мой меч молчал.

– А ты разве не видишь связи? – нетерпеливо проговорил я. – Здесь появляется новенький. Он отпрыск Локи. На щеке у дяди Рэндольфа вдруг возникает эта отметина. А у нас вдруг, после нескольких месяцев совершеннейшего затишья, возникает срочная необходимость отыскать молот Тора, потому что иначе случится вторжение великанов.

– Ну, после того, как ты все это так сложил вместе, и впрямь получается вроде связи, – согласился Джек. – Только ведь Локи всегда так неожиданно возникает в самых невероятных местах. А что касается молота Тора... – Джек вдруг завибрировал, словно изо всех сил сдерживаясь от приступа хохота. – Да он же вечно теряет его. Ему бы давно пора прилепить свой Мьельнир к лицу липкой лентой.

Неслабо придумано, между прочим. И молот был бы целее, и картинка бы впечатляющая получилась. Из тех, что один раз увидишь, всю жизнь потом не забудешь.

– И как это Тор умудряется постоянно терять его? – озадаченно произнес я. – А уж то, что его все время крадут... Кто и каким образом? Тяжесть ведь жуткая. Даже не приподнимешь.

– Крайне распространенное представление, однако весьма далекое от реальности, – возразил мне Джек. – Этот – молот – под – силу – поднять – лишь – достойным, – с издевкой проговорил он. – Забудь, Магнус, подобные глупые байки из фильмов. Молот Тора тяжел. Но великаны, если их соберется достаточное количество, вместе его поднимут. Вот кинуть правильно Мьельнир в цель или вызвать им молнии действительно нелегко. Это требует определенных навыков. Но я уж и не сочту, сколько раз Тора смаживал сон где-нибудь в дремучем лесу, а шутники великаны пригоняли подъемник-погрузчик и уводили Мьельнир прямо из-под носа у сладко храпящего громового бога. Чаще всего Тору потом удавалось довольно быстро его найти и убить шутников.

– Но не на этот раз, – сказал я.

Джек покачался взад-вперед – его вариант пожатия плечами.

– Я полагаю, вернуть Мьельнир важно. Он ведь действительно мощное сокрушительное оружие. Именно ужас перед Мьельниром не дает силам зла уничтожить Вселенную. Великаны боятся его. Он способен сокрушить хоть целые армии их. Правда, мне этот молот всегда казался ужасным занудой. Усядется где-нибудь и молчит часами. Не вздумай, Магнус, когда-нибудь с ним пойти на ночь караоке в «Ядерную радугу». Я однажды попробовал. Это была совершенная катастрофа. Представь, мне пришлось петь одному на два голоса «Любовь никогда еще не была так прекрасна».

Как видите, Джек хоть и был самым острым клинком во всех Девяти Мирах, но даже его остроты не хватило, чтобы отрубить важную информацию от совершеннейшей ерунды.

– Последний вопрос, – торопливо прервал я его мемуары о неудачном походе в «Ядерную радугу». – Хафборн назвал нашего новенького аргром. У тебя есть хоть какое-то представление, что это значит?

Джек, едва не срубив мне своим острием кончик носа, резко взмыл вверх и принялся радостно кувыркаться в воздухе.

– Обожаю аргров! Цацки Фрея! Отличная новость! У нас здесь теперь живет аргр!

– Ну и что это значит? – попытался прервать поток его восторженного сознания я.

– Однажды мы были в Мидгарде. Я, Фрей и парочка эльфов, – продолжал кувыркаться Джек. – И там в три часа утра повстречали аргра. Он к нам подошел, улавливаешь? – Меч мой зашелся от хохота, и руны на его лезвии запульсировали в ритме музыки к фильму «Лихорадка субботнего вечера». – О-о! Это была эпическая ночь!

– И что именно...

Попытку мою вернуть его к сути вопроса прервал громкий стук в дверь. Она распахнулась, и я увидел Ти Джея.

– Магнус, прошу прощения, что врываюсь... О-о, Джек! – Он изумленно воззрился на выдвинувшийся кульбиты под потолком меч. – Что тут у вас происходит?

– Привет, старина Ти Джей! – проорал с верхотуры Джек. – Как ты? Уже очухался после вчерашней ночи?

– Ну, в общем, почти, – смущенно хохотнул тот.

– Вы чего, вчера вместе гуляли? – обалдело переводил я взгляд с одного на другого.

– Ох, сеньор, не мешало бы и тебе как-нибудь к нам примкнуть. Считаю, что ты еще не жил, если хоть раз не прошелся по ночным клубам в компании со штыком времен Гражданской войны, – откликнулся Джек, и по тому, каким тоном он это проговорил, было ясно: мой образ жизни ему представляется в корне неправильным.

Ти Джей, в отличие от меча, определенно не жаждал распространяться на тему вчерашней их ночной вылазки.

– Я к тебе, Магнус, сейчас по делу, – торопливо произнес он. – Битва вот-вот начнется.

– Так рано? – Я обвел глазами гостиную в поисках часов, которых, как мне почти тут же вспомнилось, у меня не было.

– Но ведь сегодня четверг, – напомнил Ти Джей.

Я скрипнул зубами. Ненавижу вальгалльские четверги! Здесь это самые отвратительные и трудные дни недели.

– Беру амуницию, и бежим, – бросил я, уже собираясь.

– Поторопись, Магнус, – сказал Ти Джей. – Вороны из отеля выследили нашего нового соседа и теперь точно доставят его на поле боя, хочется ему этого или нет. В общем, неплохо бы нам оказаться там поскорее.

Глава VI. Обожаю суп из горностая

Четверг у нас – день драконов. Они выходят на поле боя, предоставляя вам чудненький шанс найти себе гибель гораздо мучительнее и страшнее, чем в прочие дни недели.

Мне очень не помешала бы помощь Джека, но он тренировочные бои презирает, считая их ниже своего достоинства, да к тому же еще сегодня назначил свидание с горячей алебардой. Поэтому, отпустив его на свободу, я вооружился казенным вальгалльским мечом.

Ареной учебных боев нам служил внутренний двор отеля – огромная территория с лесами, лугами, горами, реками и фальшивыми деревьями. Площадь его могла запросто соперничать с иным суверенным государством. Стены отеля, которые окаймляли двор с четырех сторон, были оборудованы позолоченными балконами. Оттуда открывался великолепный вид на поле брани. Хочешь, наблюдай за сражением, а хочешь, мечи в бойцов смертоносным серпантинном снаряды из установленных на верхних балконах катапульт.

К тому моменту как мы с Ти Джем попали на место, сражение уже началось. Во внутренний двор отовсюду стекались армии. Множество боевых рожков ревели на все лады. Их звук отдавался эхом в лесах. Дома в деревнях горели. Воздух наполнился дымом и запахом гари. Толпы эйнхериев бились, с громким смехом разя друг друга, пешие и верхом, на суше, по пояс в воде реки, под прикрытием леса, на открытом пространстве, – всюду, насколько хватало глаз.

И так как сегодня была четверговая битва, к сражению подключилась дюжина крупных драконов.

Эйнхерии старшего поколения называли этих тварей линдвормами, что в переводе с немецкого значит «драконы», а по-английски звучит как «червяк». Такие, знаете ли, амбалистые червяки размером с восемнадцатиколесный тягач. По части конечностей они обладали только двумя передними лапами да кожистыми, как у летучих мышей, коричневыми крыльями. Совершенно, надо сказать, бесполезными для таких грузных тел. Драконы ими размахивали и хлопали, однако подняться в воздух на них не могли, а передвигались, таща себя по земле, иногда прыгая и обрушиваясь на жертву. Издали они выглядели как свирепая стая огромных индюшачьих змей, вблизи же, можете мне поверить, были необычайно опасны.

Наша задача в подобных битвах – оставаться как можно дольше живыми, хотя драконы изо всех сил пытаются именно этому помешать. (Спойлер: Драконы всегда выигрывают.)

На краю поля нас поджидали Мэллори с Хафборном. Хафборн застегивал ей ремешки на латах. Она свирепо рычала:

– Ну что ты делаешь? Мне в плечах слишком тесно.

– Женщина, я уже много столетий надеваю латы, – парировал Хафборн.

– Да когда ты в последний раз надевал их? – проворчала она. – Вечно вступаешь в бой с голой грудью.

– А ты имеешь что-нибудь против? – игриво полюбопытствовал он.

– Заткнись, – покраснев, прошипела Мэллори.

– А вот наконец и Магнус с Ти Джем! – Хафборн радостно хлопнул меня по плечу. Ну совсем так легонько, всего-навсего выбив мне пару-другую суставов. – Деятнадцатый этаж в полном составе.

Формально он был не совсем прав. На девятнадцатом этаже обитало около ста постояльцев. Точнее, следовало сказать: наш коридор в полном составе. Там нас и впрямь жило четверо плюс наш новый сосед или, иными словами, последнее приобретение Сэм.

– Не хватает гепарда, – тут же напомнил Ти Джей. – Где же он?

Стоило ему это произнести, как на нас спикировал ворон, державший в когтистых лапах мешок. Когти разжались. Мешок брякнулся рядом с моими ногами, а рядом с ним, хлопая крыльями, приземлился ворон. В мешке что-то зашевелилось. Миг – и наружу из него выскольз-

нул юркий, худенький, длинный и верткий коричнево-белый горностаей. Он зашипел, а ворон закаркал. Языком воронов я не владею, однако мне в данном случае был совершенно ясен смысл его речи:

– Держи себя в рамках, иначе выключю твои горностаевые глаза.

Ти Джей направил на горностаю свою винтовку.

– Знаешь, когда пятьдесят четвертый массачусетский полк был на марше к городу Дарьену, штат Джорджия, мы по пути стреляли горностаев и делали из них суп. Вкуснейшая вещь получалась. Вот я и думаю: а не вспомнить ли мне сейчас тот старый рецепт?

Вновь прибывший мгновенно принялся трансформироваться. Изрядно уже слышанный о его монструозности, я полагал, что сейчас нам предстанет какой-нибудь живой труп вроде богини Хель или уменьшенный вариант Мирового Змея Йормунганда. Увидели мы, однако, к полному своему изумлению, совершенно другое. Перед нами стоял подросток – высокий, худенький, с шапкой взъерошенных, неровно подстриженных волос. У корней они были черные, дальше выкрашены зеленой краской и торчали на его голове, словно выдранный из лужайки пук сорняков.

Коричнево-белая шерсть горностаей обернулась одеждой в зелено-розовой гамме. Поношенные высокие розовые кеды. Плотные сидящие узкие вельветовые брюки цвета лайма. Вязаная безрукавка с узором из зеленых и розовых ромбов поверх белой майки и, наконец, свитер из розового кашемира, завязанный вокруг бедер и талии напоподобие килта. Чем-то он во всем этом смахивал то ли на шута, то ли на ядовитое насекомое, яркая раскраска которого как бы предупреждает: если дотронешься до меня, то умрешь.

Едва посмотрев на лицо новичка, я невольно вздрогнул. Копия Локи, только гораздо моложе. Те же резко очерченные черты, та же кривая ухмылка. Разве что был он еще красивее, чем его родитель, ибо щеки его и губы не обезображивали кислотные ожоги и шрамы. Глаза, как у Локи, разного цвета – один карий, другой янтарный. Забыл медицинский термин, которым обозначается разный цвет радужки. Мама моя называла бы это глазами Дэвида Боуи, а я – шокирующими. Но сейчас меня больше шокировало другое: я был убежден, что наш новенький мне уже где-то встречался.

Вы тут же, конечно, спросите: «Раз он такой заметный, как же ты, Магнус, умудрился забыть, где ваши дорожки раньше пересекались?» Только ведь я тогда был бездомным. А жизнь на улице как бы переворачивает все с ног на голову, и странные люди вам начинают казаться ничем особым не примечательными, а обычные, наоборот, удивляют и запоминаются.

Новичок одарил Ти Джея белозубой улыбкой, но во взгляде его затаилась угроза, и я почему-то не сомневался, что он готов при малейшем поводе привести ее в исполнение.

– Найди для своей винтовки другую цель, если не хочешь, чтобы я завязал ее бантиком на твоей шее, – спокойно и почти весело проговорил он, и мне стало ясно, что он хорошо умеет завязывать бантики из винтовок на шеях.

Ти Джей рассмеялся и опустил винтовку.

– Ты нас раньше с таким упорством пытался убить, что нам даже не удалось познакомиться. Я Томас Джефферсон-младший. Это Мэллори Кин. Затем Хафборн Гундерсон. И Магнус Чейз.

Новичок молча уставился на нашу компанию. Ворон, косясь на него черным глазом, свирепо каркнул.

– Хорошо, хорошо, – произнес быстро тот. – Я уже почти успокоился. И раз никто меня не касался, все круто.

– Кар-р! – снова требовательно прокричал ворон.

– Ладно уж. Представляюсь, – с неохотой выдохнул новичок. – Я Алекс Фьерро. Ну и, наверное, рад знакомству. А вы, мистер ворон, можете идти. Обещаю не убивать, если, конечно, не вынудят обстоятельства.

Ворон нахохлился, смерил меня хмурым взглядом, в котором читалось, что новенький с этого мига становится исключительно нашей проблемой, и, взмахнув крыльями, улетел.

– Ну, значит, этот вопрос утрясли, – расплылся в улыбке Хафборн. – И раз ты пообещал больше не убивать нас, давай-ка вместе займемся убийством других.

– Да у него даже нет оружия, – скрестила на груди руки Мэллори Кин.

– У нее, – поправил Алекс.

– Что-о? – округлились глаза у Мэллори.

– Называйте меня «она», пока не услышите от меня другое, иначе... – новичок не договорил.

– Но... – начала было Мэллори, но в свою очередь осеклась.

– Да ну его, пусть будет «она», – вмешался Ти Джей. – То есть я имею в виду, ну ее, пусть будет «она», – уточнил он, потирая с таким видом шею, словно на ней уже затянули бабочку из его винтовки. – Давайте лучше приступим к бою.

Я все это время смотрел на Алекс. Внезапно поле моего зрения словно расширилось. Ну вроде как при взгляде на картинку с кляксами, когда сперва видишь что-то одно, а потом в мозгу что-то щелкает и открывается совершенно другое, хотя картинка вроде и не изменилась. Мгновенье назад мне казалось, будто передо мной стоит мальчик, а теперь я отчетливо понимал, что Алекс Фьерро – девушка.

– Что? – спросила меня она.

– Ничего, – ушел от ответа я.

Над нашими головами, кружась, закаркала стая воронов. Они явно осуждали нас за промедление.

– Пора выдвигаться, – сказал Хафборн Гундерсон. – А то эти вороны считают, что мы отлыниваем от боя.

Мэллори выхватила из ножен ножи и повернулась к Алекс:

– Ну вот, теперь, милочка, поглядим, на что ты годишься.

Глава VII. А ваши друзья страдали когда-нибудь от линдвормов?

Мы вошли в бой как одна счастливая и дружная семья.

Ну, может, за исключением такой мелочи, что Ти Джей, уже на бегу схватив меня за руку, прошептал:

– Ты все же приглядывай за ней, ладно? Как-то не хочется получить удар сзади.

Я кивнул, занимая позицию в арьергарде нашего строя, рядом с Алекс.

Мы продвигались к центру внутреннего двора, пригибаясь, лавируя и перепрыгивая через множество трупов, которые вновь оживут еще до того, как настанет время вечерней трапезы. Я мог бы сделать множество смешных снимков, но здесь такие приколы осуждаются. В общем-то, это можно понять. Сами представьте: вас щелкнули на мобильник, когда вы померли в какой-нибудь самой дурацкой позе. Снимок, ясное дело, становится в Инстаграме бешено популярным, и в ваш адрес потом несколько столетий подряд отпускают шуточки.

Хафборн и Мэллори прорубали нам путь сквозь полчища берсерков. Ти Джей выстрелил в голову Чарли Фланнагану. Тот жутко всегда веселится, когда с ним такое проделывают. Только не спрашивайте меня, почему ему это так нравится. Я не знаю.

Мы увернулись от огненного дождя раскаленных смоляных шаров, которые выплюнули катапульты с балконов. Вступили в кратенький бой на мечах с Большим Лу. Классный вообще-то парень. Живет на четыреста первом этаже. Вот только хочет всегда помирать в боях не иначе как чтобы ему отрубили голову. А попробуйте-ка, когда он такой высоты. Ростом почти семь футов. Поэтому он всегда выискивает на поле Хафборна Гундерсона. Тот ведь и сам немаленький, и с задачей быстро справляется.

Мы умудрились дойти не замеченными драконами до самой опушки леса. Хафборн, Мэллори и Ти Джей, рассредоточившись и укрываясь за стволами деревьев, двинулись к чаще. Мы с Алекс тоже начали пробираться через густой кустарник. Казенный меч мне оттягивал руку. Балансировка у него была совсем не как у Джека, да и все остальное оставляло желать лучшего, за исключением лишь одного достоинства: он молчал. С таким оружием мне, естественно, приходилось соблюдать предельную осторожность, а вот Алекс спокойно себе шла вперед вообще с пустыми руками, и, похоже, ее ничуть не тревожило, что она, единственная из нас, представляет собой яркую зелено-розовую мишень.

Какое-то время спустя наша игра в молчанку меня достала, и я сказал:

– Мы с тобой раньше виделись. Ты в молодежном убежище на Уинтер-стрит не бывала?

Она фыркнула:

– Ненавижу это место.

– Вполне разделяю. Целых два года провел на улице.

Изогнув бровь над левым янтарным глазом, она холодно глянула на меня.

– Считаешь, что это нас как-то сближает?

Вид ее говорил куда больше произнесенных слов. Отвали, читал я на ее лице, можешь кого и что хочешь там ненавидеть, только не лезь ко мне.

Другой бы на моем месте, может быть, и заткнулся. Но я за два года бездомной жизни привык не особенно обращать внимание на такую агрессию. Многие из моих товарищей по несчастью старались отделаться от меня при первой же встрече. Они приучились никому не доверять и были по-своему правы. Но меня это лишь сильнее раздражало. Естественно, я каждый раз рисковал. Зато мне потом удавалось узнать потрясающие истории этих бродяг-одиночек, именно у них же я почерпнул множество навыков выживания. Так с какого же перепуга сейчас дать сняться с крючка этой ярко одетой, разноглазой и крушащей все, что ей попадается

на глаза, Алекс Фьерро? Тем более привела-то ее сюда Сэм, и, по-видимому, у нее были на это причины.

– А почему ты сказала, что мы должны тебя называть... она? – продолжил расспросы я.

– У меня гендерная изменчивость и к тому же я трансгендер, – хмуро отозвалась она. –

А если тупой и не понял, глянь в Википедию. Не собираюсь тебя образовывать.

– Да я о другом.

– Ой, только не надо. Думаешь, я не заметила, как у тебя челюсть отвисла?

– Ну, может, сперва на секунду и удивился, хотя...

Я чуть помолчал, избегая с ходу брякнуть что-то такое, из-за чего покажусь ей совсем кретином. Все эти гендерные дела меня и впрямь удивили не слишком сильно.

С Алекс меня поразило больше другое, а именно, как стремительно изменилось мое отношение к ней. Она вызывала теперь во мне такие эмоции, что их было весьма трудно выразить, не рискуя при этом стать даже краснее, чем волосы Мэллори Кин.

– Ты вот что-то там говорила ворону. Вроде, мол, раз тебя никто не касался, все круто. Это о чем? – пробормотал я.

Алекс поморщилась, словно я ей поднес к самому носу ломоть пахучего сыра.

– Ну, может, я слишком бурно отреагировала. Абсолютно не собиралась сегодня погибнуть и оказаться в руках какой-то валькирии.

– Это была Сэм. Она нормальная, – поторопился заверить я.

– Все равно я ее не прощаю, – резко мотнула головой Алекс. – Вот. Попала теперь сюда... Обнаружила, что умерла и... бессмертна. Не стану никогда старше... Не изменюсь... – Голос ее сорвался. – Ладно. Не важно.

Я был как раз убежден в обратном: все это очень важно. Мне хотелось ее расспросить и о том, как она жила в Мидгарде, и почему в ее номере атриум открыт в небо, как у меня, и к чему ей фаянсовая посуда, и зачем она метит ее клеймом с собственными инициалами и знаком Локи? И еще не мешало бы выяснить насчет ее появления здесь. Случайно оно или нет совпало с двумя другими событиями – необходимостью срочно найти молот Тора и меткой Локи, внезапно возникшей на щеке дяди Рэндольфа?

Задай я и впрямь ей все эти вопросы, подозреваю, она обратилась бы горной гориллой и быстренько сорвала мне всю кожу с лица. К счастью, догадку свою мне проверить не удалось. В тот момент, когда я хотел раскрыть рот, на нас словно бы из ниоткуда с шумом и грохотом выплонуло с вышины дракона.

Монстр захлопал своими кретинскими недоделанными крыльями и взревел с такой силой, словно голос медведя гризли пропустили сквозь усилитель со стоваттной выходной мощностью. Деревья там, где он приземлился, с треском рассыпались в щепки.

– Авргг! – проорал Хафборн Гундерсон непосредственно перед тем, как дракон зашвырнул его высоко в небо.

Выражение это означает по-древнескандинавски: «Святые негодники! Там дракон!» Что же касается траектории, которую описал дорогой наш берсерк, приземлиться ему предстояло этаже так на двадцать девятом, доставив большую приятность тому, кто решил в это время расслабиться на балконе.

Ти Джей дал залп по чудовищу из винтовки. На груди у дракона пышно расцвел бутон порохового дыма, но выстрел вреда ему не нанес. Мэллори, исторгая гаэльскую брань, ринулась в бой. Дракон, совершенно не обращая внимания на удары ее ножей, повернулся ко мне.

Тут следует уточнить, что драконы чудовищно безобразны. Если бы какой-нибудь зомби из сериала «Ходячие мертвецы» родил ребенка от Фредди Крюгера, наверное, получилось бы очень похоже на этих тварей. Кожа и плоть на их мордах отсутствует. Костный щиток, обнаженные сухожилия, глазные провалы и блестящие от слюны клыки – вот и вся, так сказать,

драконья физиономия. Монстр широко разверз пасть, демонстрируя мне свое горло цвета протухшего мяса.

Алекс опустила на корточки, нащупывая что-то руками у себя на поясе.

– Хреново, – сказала она.

– Да уж, – охотно согласился с ней я. Рука у меня от ужаса до того вспотела, что меч из нее едва не выскользнул. – Давай ты направо, а я налево. Попробуем обойти.

– Да я о другом, – даже не сдвинулась с места она. – Это не просто дракон, а Гримвильф, или Жестокий Волк. Один из древних червей.

Только тут до меня наконец и дошло, что тварь, возникшая перед нами, была куда больше драконов, с которыми мне приходилось сражаться раньше. Значит, те, видно, были более современные. Вот досадно-то, что в горячке боя у меня никогда не хватало времени выяснить, как их зовут и год их рождения.

– Откуда ты знаешь? – спросил я у Алекс. – И кому взбрело в голову называть дракона Жестоким Волком?

Чудище зашипело. Запахло горелыми покрывками. Похоже, он занервничал, услышав свое имя. Мэллори продолжала яростно разить его ноги ножами. Он по-прежнему на нее совершенно не реагировал.

– Эй, а вы мне помочь-то не собираетесь? Или будете так и дальше трепаться?

Ти Джей врезал по монстру штыком. Ноль эффекта. Острие ударило о его ребра и отскочило. Опытный воин времен Гражданской войны, отступив, изготовился ко второй попытке.

Алекс наконец сорвала с пояса какую-то стальную проволоку не толще веревки для запуска змея. На обоих ее концах я заметил деревянные ручки, словно у детских прыгалок.

– Гримвильф – один из драконов, живущих в корнях Иггдрасиля, – бросила она мне. – Он находится здесь просто не может. Нужно быть просто чокнутым, чтобы... – Она осеклась, и лицо ее побелело, а черты окаменели, будто бы превращаясь в драконьи. – Это он отправил его сюда за мной. Ему известно, что я теперь здесь.

– Кто? – ошалело уставился на нее я.

– Отвлеки его! – прокричала Алекс и, вспрыгнув на ствол ближайшего дерева, принялась карабкаться с обезьяньей ловкостью вверх.

Я судорожно вздохнул. Отвлеки его, как же! Дракон лязгнул челюстями, отхватив горсть ветвей от дерева, по которому лезла вверх Алекс. Поднималась она, конечно, стремительно, но дракону достаточно сделать пару-другую новых попыток, чтобы она превратилась в корм для него. Мэллори и Ти Джей вовсю били, каждый своим оружием, по ногам чудовища, но это было ему хоть бы хны. Он явно намеревался оставить их на десерт, после того как расправится с нами.

«Магнус, ну что ты медлишь? – сказал я себе. – Тренировочной смертью больше, тренировочной смертью меньше. Умри же достойно гибели профессионала».

В этом и суть ежедневных наших боев. Мы привыкаем биться с любым противником, преодолевая страх смерти. И все для того, чтобы в день Рагнарока кинуться в настоящий смертельный бой, где нам потребуется все умение и вся хитрость.

Почему же я сейчас медлил?

Ну, во-первых, я куда лучше лечу, чем воюю. Убегать тоже классно умею. Да, вот тут я и впрямь хорош. А вот кидаться очертя голову навстречу собственной смерти, особенно зная, что ей будет предшествовать жуткая боль, мне как-то всегда гораздо труднее.

Дракон вновь лязгнул челюстями, на сей раз едва не схватив розовые кеды Алекс вместе с ее ногами. Уж на что мне не нравится умирать, но еще больше я ненавижу, когда кто-то пытается лишить жизни моих друзей. С воплем «Фрей!» я кинулся на дракона.

Гримвульф ужасно обрадовался. Видимо, у меня потрясающий дар вызывать ярость у древних монстров. Забыв об Алекс, дракон целиком и полностью обратил свое драгоценное внимание на меня.

Мэллори, чуть не споткнувшись, отпрыгнула в сторону от моего пути. Ти Джей тоже убрался с дороги, крикнув:

– Он твой, приятель!

Ободрил меня, так сказать, перед мучительной смертью.

Я поднял щит и меч в точности так, как советовали симпатичнейшие инструкторы начального уровня обучения викингов боевым искусствам.

Пасть дракона широко распахнулась, и я открыл для себя еще нечто новенькое. Плюс к основному ряду зубов у этой твари имелся еще дополнительный, видать, на случай, если жертва окажется чересчур жесткой.

Я уловил краем глаза розово-зеленое пятно на вершине дерева. Алекс раскачивалась, изготавливаясь к прыжку. Я понял ее намерение. Она собиралась обрушиться напрямик на драконью шею. Мне это показалось столь безрассудным, что я даже как-то гораздо спокойней стал относиться к собственной безрассудной гибели.

Дракон нацелился на меня. Я рубанул мечом вверх, надеясь попасть ему в небо.

Не знаю, попал ли. Меня ослепила внезапная боль. Будто в лицо мне прыснули промышленным очистителем. Колени мои подкосились. Ох, как же я вовремя рухнул на четвереньки! Дракон куснул пустое пространство, где за мгновение до этого находилась моя голова.

– Вставай, недоумок! – раздался откуда-то слева истошный визг Мэллори.

Я часто моргал, пытаюсь избавиться от саднящей рези в глазах, но мне становилось лишь хуже. В ноздрях стоял запах горящей плоти.

Гримвульф, очухавшись от неудачного выпада, готовился со свирепым рыком к новой атаке.

– Полно, Магнус. Брось-ка сопротивляться, – прозвучало знакомым голосом у меня в голове, и мое зрение вдруг раздвоилось.

Нет, я по-прежнему видел нависшее надо мной чудище и маленькую зеленую фигурку, летящую с вышины дерева к шее монстра. Но на эту картину накладывалась полупрозрачным туманом параллельная сцена. Я стою на коленях в кабинете дяди Рэндольфа, а надо мной склоняется некто гораздо хуже дракона. Локи – бог зла.

– Ну как приятно, – улыбается он.

И тут Гримвульф разверз свою пасть до такого размера, что мне стало ясно: сейчас он меня сожрет целиком.

Глава VIII. Помощь от смерти путем другой смерти

Никогда еще мне до этого не приходилось существовать в двух реальностях одновременно. И, скажу прямо, мне это не понравилось.

Я видел сквозь пелену жгучей боли, которая застилала мои глаза, ход боя в лесу. Дракон изготовился то ли слопать меня, то ли надвое перекусить, но вдруг голова его резко взметнулась вверх. Это Алекс, спрыгнув ему на шею, так сильно стянула на его горле свою удавку, что он забился в кошмарных корчах, а черный раздвоенный его язык вывалился наружу.

Ти Джей и Мэллори немедленно встали живым щитом между мной и чудищем и, грозя ему с громкими криками каждый своим оружием, пытались его оттеснить назад.

Я изо всех сил пытался встать на ноги, чтобы прийти им на помощь или по крайней мере хоть откатиться в сторону, чтобы им не мешать. Увы, потуги мои были тщетны. Застыв, как в параличе, на коленях, я словно завис между Вальгаллой и фамильным особняком Чейзов в Бэк-Бэе, а точнее, в кабинете дядюшки Рэндольфа.

– Видишь ли, Рэндольф, – заговорил Локи, и сцена в кабинете тут же высветилась контрастнее. – Кровь не вода. У нас с тобой крепкая связь.

Если до этого все, что происходило там, мне едва виделось сквозь мутно-белый туман, то теперь кабинет заполнился ярким солнечным светом, который, струясь сквозь витражи в окне, приобретал зеленый оттенок. Я стоял на коленях, примяв ими ворс ковра, расстеленного перед столом дяди Рэндольфа. Комната пахла лимонным полиролем для мебели и пригоревшим мясом. Я был почти убежден, что второй из запахов источает мое лицо.

Надо мной нависал Локи. Я отчетливо видел его лицо, которое, несмотря на следы ожогов и шрамы, было очень красиво. Встряхнув взлохмаченной шевелюрой цвета палой листвы, он улыбнулся и простер ко мне руки.

– Как тебе, Магнус, мой новый костюмчик?

Одежду его составляли зеленый смокинг, рубашка-жабо насыщенного лилового цвета и в тон ей широкий шелковый пояс. (Все в действительности сочеталось друг с другом вполне неплохо, если бы не прямоугольник ценника, свисавший с правого рукава.)

Я был неподвижен, нем и не мог ему ничего ответить. У меня даже сплевать бы не получилось от омерзения при виде Локи. И уж тем более я не мог ему дать совет обратиться за консультацией в бутик Блитцена, прежде чем он надумает снова приобрести костюм.

– Не нравится? – сделалось кислым лицо у Локи. – Ну я же, Рэндольф, тебе говорил: нужно было купить ярко-желтый.

Из моего горла вырвался полузадушенный хрип.

– Магнус, не слушай его, – сказал дядя Рэндольф.

Локи вытянул руку. Кончики его пальцев оказались возле моего лица. От них поднимался дым. Он даже не коснулся меня, но все мое тело от ступней до макушки пронзила такая боль, что если бы я имел возможность говорить, то взмолился бы о пощаде.

Ясно мне было одно: боль это не моя, а дяди Рэндольфа, и я сейчас вижу и воспринимаю происходящее его глазами, мозгами, телом и нервами. Локи каким-то образом воспользовался им как телефоном, чтобы выйти со мной на связь. И вот я попал к нему внутрь, словно голос в трубку.

Боль немного утихла, но вес грузного тела Рэндольфа давил на меня, как тяжелый скафандр. Каждый вдох давался с усилием. Подагрические колени ломило. Мне совсем не нравилось быть пожилым.

– Ну, Рэндольф, веди же себя прилично, – с укором проговорил Локи. – Приношу извинения, Магнус, за твоего дядю. Так что я тебе сказать-то хотел? Ах да, твое приглашение.

В Вальгалле я тем временем, тоже полностью неподвижный, стоял, наблюдая, как тварь под названием Гримвильф шатается из стороны в сторону, сметая целые полосы леса. Мэллори угодила под одну из его конечностей, и он расплющил ее в лепешку. Ти Джей орал что есть мочи и, размахивая обломками винтовки, пытался отвлечь на себя внимание монстра. А Алекс Фьерро, каким-то чудом по-прежнему удерживаясь на его мотающейся как маятник шее, продолжала стягивать ему горло проволокой.

– Свадьба! – объявил с жизнерадостным видом Локи.

Он извлек из внутреннего кармана смокинга зеленое приглашение и, сложив его вдвое, запихнул в нагрудный карман рубашки Рэндольфа.

– До торжества осталось пять дней. Прости, что так поздно уведомил, но все же рассчитываю на твое присутствие. Ты ведь должен доставить невесту и ее приданое, иначе... Ну, сам понимаешь: война, вторжение, Рагнарок и так далее. Не правда ли, свадьба куда веселее и безобиднее. А теперь я хочу услышать, что именно рассказала тебе Самира.

Голову мне стиснуло словно тяжелым прессом. По кабинету разнесся вопль. Мне трудно было сказать, принадлежал ли он мне или дяде Рэндольфу.

– Что там творится с Магнусом? – крикнула с шеи дракона Алекс.

Ти Джей подбежал ко мне.

– Не знаю, но у него голова дымится. Это что, плохо?

– Хватай его меч! – проорала Алекс, стянув с такой силой удавку, что по шее дракона заструилась черная кровь. – Приготовься!

– Ай-ай-ай. – Локи постучал пальцем по нашему с дядей Рэндольфом носу, и боль в моей голове понизилась до градуса щадящей пытки. – Значит, Самира не поделилась с тобой такой радостной новостью. Полагаю, она, бедняжка, просто смущается. В общем-то, я понимаю ее. Мне тоже совсем не легко отдавать замуж любимую дочь. Ох, дети так быстро становятся взрослыми.

«Прочь, мразь! – попытался выкрикнуть я. – Уберись из моей головы и оставь Самире в покое!» Но, увы, у меня получилось лишь жалкое бляение.

– О, не трать силы на благодарности, – улыбнулся Локи. – Просто мы оба с тобой не хотим, чтобы начался Рагнарок, а я оказался способен этому помешать. Переговоры, конечно, пришлось вести трудные. Но убеждать я умею. Консенсус достигнут. Молот в обмен на невесту. Исключительно выгодное предложение. После того как достанешь приданое, сообщу тебе все в подробностях.

– Давай! – проорала Ти Джею Алекс.

Дракон от давления ее проволоки принялся извиваться и изогнулся до такой степени, что бронированная чешуя у него на шкуре раздвинулась. Ти Джей, стремительно прыгнув вперед, вонзил мой казенный меч ему прямо в сердце и немедленно отскочил в сторону. Монстр брякнулся всей своей тяжестью оземь, вдавив в себя меч по самую рукоятку. Алекс спрыгнула с его шеи. Мокрая от драконьей крови проволока-удавка свешивалась с ее согнутой в локте руки.

– Похоже, я слышу голос дочери Алекс, – губы Локи скривились в усмешке. – Только ее вот на свадьбу я приглашать не стану. Она все испортит. Просто прошу тебя ей передать от меня подарочек.

Я почувствовал, как у меня перехватывает дыхание. Столь сильных приступов у меня не бывало даже в то время, когда я страдал приступами астмы. Тело горело. Казалось, что все мои внутренности распадаются на молекулы, кожа тоже начала тлеть и дымиться.

Локи испепелял мое собственное сознание разящими молниями чужих мыслей, полных веками накопленной ярости и жажды мести.

Я бился в судорогах, пытаюсь от них отделаться и обрести дыхание. Алекс смерила меня хмурым взглядом. Лицо ее у меня в глазах слилось с лицом Локи.

– Друг твой сейчас взорвется, – бросила очень спокойно Алекс Ти Джею, словно считала такое вполне банальным явлением.

Ти Джей стер рукой со лба капли пота.

– Я как-то тебя недопонял.

– Локи через него пропускает сейчас чужую энергию, – начала объяснять ему Алекс. – И нафигачил ее так много, что если сейчас довести до взрыва, большей части этого внутреннего двора не будет.

Я в последнем усилии сумел выдавить из себя:

– Бегите.

– Не поможет, – мотнула головой Алекс. – Но у меня есть другое решение.

И, нагнувшись ко мне, она накинула на мою шею проволоку.

– Подожди, – удалось снова прохрипеть мне.

– Времени нет, а это единственный способ убрать его из твоей головы, – подмигнула мне Алекс, а может быть, Локи. Глаза-то у них одинаковые, да и лицо его продолжало мерцать у нее под кожей.

– До скорых встреч, Магнус, – это уж точно был голос Локи.

И тут Алекс дернула за рукоятки своей гарроты, загасив мою жизнь.

Глава IX. Ни под каким видом не соглашайтесь принимать пенную ванну с богом, от которого сохранилась только одна голова

Вот ответьте, каким это образом я по-прежнему вижу сны даже после того, как умер?

Я плавал в мраке небытия, спокойненько так, никого не трогая, и осмысливал факт, что меня только что лишили головы, следом за чем начались эти дикие, яркие и раздражающие кошмары.

Я оказался на борту тридцатифутовой яхты. Море вокруг нещадно штормило. Волны хлестали через борт судна. Палуба то и дело вздымалась. В стекла рулевой рубки лупили потоки дождя.

На капитанском месте сидел дядя Рэндольф. Одной рукой он вцепился в штурвал, другой прижимал к себе рацию. Желтый плащ его промок до нитки. На пол с него натекла уже целая лужа. Гладко выбритая дядина голова блестела от морской воды. Приборы на панели управления явно глючили, выдавая сплошные помехи.

– Мэйдэй! – орал дядя в рацию, словно на упрямую собаку, которая не выполняет команду. – Мэйдэй, так вас растак! Мэйдэй!

На скамейке за ним тесно жались друг к другу женщина и две девочки. Знаком я с ними никогда не был, но тут же узнал по фотографиям, которые дядя Рэндольф держал у себя в кабинете. В центре сидела его жена Кэролайн, а по бокам от нее две их дочери – Обри и Эмма. Темно-коричневые волосы женщины были мокры и липли к ее лицу, руки стиснули плечи девочек.

– Все будет в порядке, – говорила она девочкам. А потом смотрела на Рэндольфа с неммым осуждением: зачем ты нас подверг этому?

Младшая девочка, Обри, со светлыми вьющимися волосами, как у всех Чейзов, сидела с застывшим и напряженным лицом, держа на коленях маленькую модель яхты. Игрушка от качки все время валилась на бок, но девочка тут же ее снова ставила ровно, будто в надежде, что таким образом помогает отцу.

Эмма не была такой спокойной. С виду лет десяти, темноволоса в мать, глаза, грустные и усталые не по возрасту, как у отца. Я, непонятно откуда, знал, что ее сильнее всех вдохновляла идея этого путешествия. Ей вынь да положь хотелось принять участие в этом большом приключении, в результате которого папа найдет меч викингов и всем на свете докажет верность своей научной теории. Рэндольф, ясное дело, не смог отказать.

Теперь Эмма, не в пример младшей сестре, просто тряслась от страха. Яхта кренилась, вздымалась на гребни огромных волн и ухала вниз, и все это сопровождали истошные Эммины визги, а рука ее то и дело прижимала к груди кулон с рунным камнем, который ей преподнес отец на очередной день рождения. Я не видел, какая руна высечена на нем, однако не сомневался, что это:

Одал. Иными словами, Наследие. Ибо Рэндольф отвел своей старшей дочери роль наследницы своего дела. Будущего великого историка-археолога нашей семьи.

– Я сделаю все, чтобы мы вернулись домой, – заверил свое семейство Рэндольф, но голос его при этом дрожал от отчаяния.

А как хороши были планы! До какой степени он был уверен, что их вылазку в море будет сопровождать замечательная погода! Такая легонькая увеселительная прогулочка на воде. Он ведь ученый. Загодя все продумал и взвесил. И, уж конечно, провел очень тщательные научные изыскания. Ему было известно, что Меч Лета лежит на дне Массачусетс-Бэй, а все остальное ему представлялось так: он доходит на яхте по полному штилю до места, ныряет, старые боги Асгарда благословляют его старания, и вот меч уже на поверхности, клинок его весело переворачивается под яркими лучами солнца, семья Рэндольфа рукоплещет триумфу отца и мужа...

Ох, насколько же все получилось не так. На море обрушилась редкостная по силе буря. Яхту мотало, словно игрушечную модель на коленях у Обри.

Судно швырнуло на правый борт. Мои уши прорезал истошный вопль Эммы, и меня захлестнула стена воды.

Вынырнул я совсем в другой сон. Моя отделенная от тела голова покачивалась в ванне на пенной воде, отдающей клубникой и заплесневелой мочалкой. Справа от нее плавала оптимистичная резиновая уточка, у которой от старости стерлись нарисованные глаза, а слева застыла не столь счастливая, как она, голова бога Мимира. Борода его была полна водорослей и дохлых миног. Веки, уши и нос облепила мыльная пена.

– А я говорю, это, братцы, ваш долг, – начал он, и голос его отразился эхом от кафельных стен ванной комнаты. – И в данном случае не имеет значения, босс я вам или нет. Таково веленье судьбы.

Обращался Мимир не ко мне, а к сидевшему на превосходном фарфоровом унитазе цвета спелого авокадо моему другу Хэртстоуну. Вид у него был унылый, а одежда обычная – черная кожаная куртка и брюки, накрахмаленная рубашка белого цвета и шарф в крупный горох, похоже, вырезанный из подстилки для игры в твистер. Я обратил внимание на бледность его лица. Цветом оно сейчас сливалось с его почти белыми волосами.

Хэрт ответил Мимиру раздраженными жестами, которые отличались такой стремительностью, что я с трудом уловил только часть его немой речи:

– Слишком опасно... смерть... защити этого идиота...

И только лишь посмотрев в ту сторону, куда он указал, я увидел Блитцена. Как всегда элегантно одетый (костюм-тройка цвета ореха в тон его кожи, черный галстук-бабочка в цвет бороды и шляпа в стиле Фрэнка Синатры), он стоял, опершись спиной о борт раковины.

– Нам действительно надо идти, – произнес он твердо. – Парень нуждается в нас.

Я хотел крикнуть:

– Мне жутко вас не хватает! Я так хочу снова как можно скорей увидеться с вами. Но вы не должны рисковать из-за меня жизнями!

Только вот вместо всех этих правильных слов у меня вылетела изо рта невесть как туда попавшая золотая рыбка, которая радостно заплескалась в просторах ванны.

Башка моя опрокинулась в пену, а когда я вынырнул, то оказался совсем в другом сне.

Лишенный по-прежнему тела, я плавал в огромной стеклянной банке, наполненной маринованными огурцами и уксусом. Несмотря на мутно-зеленоватую жидкость и изогнутое стекло, мне стало ясно, что я нахожусь в баре на барной стойке. На стенах помигивала неоновая реклама различных напитков. Неясные силуэты посетителей ссутулились на барных стульях. От их смеха и громких разговоров маринад колыхался.

Я редко бываю в барах. И уж тем более мне ни разу раньше не приходилось глядеть на какой-то из них сквозь банку с маринованными огурцами, но тем не менее место мне показалось знакомым. И планировкой, и расстановкой мебели, и окном с переплетом, и держателем для рюмок, по виду напоминающим висячую лампу.

В поле моего зрения возникла фигура в белом, гораздо объемнее и крупнее остальной публики.

– Вон! – гаркнула она таким низким и хриплым голосом, словно бы незадолго до этого прополоскала себе горло бензином. – Все вон! Мне надо поговорить с братом!

Посетители с ропотом двинулись к выходу. Скоро в помещении стало пусто и тихо. Я слышал лишь звук работающего в дальнем углу телевизора.

– Глянь-ка, Билл! – говорил комментатор какого-то соревнования. – У него голова отвалилась!

Едва я начал раздумывать, не меня ли это уже обсуждают по телику, откуда-то издали возник некто в черном, еще объемней и выше белой охрипшей тетки.

– Это мой бар, – проговорил он низким глухим баритоном. Представьте себе на секунду моржа, обретшего дар человеческой речи, и вам станет ясно звучание его голоса. – Почему ты всегда выгоняешь моих друзей?

– Друзей? – хохотнула пренебрежительно хриплая женщина. – Они тебе не друзья, а подданные. Когда же ты, Трим, наконец научишься поступать как король?

– Уже научился, – ответил Трим. – И вскорости уничтожу Мидгард.

– Вот сперва уничтожь, тогда и поверю, – опять хохотнула белая тетка. – Настоящий король бы на твоём месте давно уже извлек пользу из этого молота, а ты его просто спрятал и несколько месяцев думаешь, что с ним делать. Даже тому никудышному отказался продать.

– Это альянс, Тринга! – перебил ее громким голосом Трим, и я весьма живо представил себе такого напыщенного моржа, который важно щетинит усы и тяжело переваливается с бока на бок. Впрочем, моржом этот Трим, конечно же, не был.

– Ты просто не понимаешь, Тринга, как это важно, – продолжал он. – Мне требуются союзники. Я не смогу без них справиться с миром людей. Вот как только женюсь на Самире аль Аббас...

Я в своей банке не смог сдержать крик. На поверхности маринада тут же надулся огромный пузырь и с оглушительным треском лопнул.

– Что это было? – напрягся Трим.

Белый силуэт Тринги завис надо мной.

– Ожившие огурцы. – Это прозвучало в устах Тринги, как название фильма ужасов.

– Ну так убей их! – проорал Трим.

Белая тетка, схватив за ножку барный табурет, обрушила его на банку. Меня шарахнуло о стену бара, и я вместе с осколками, огурцами и мутной жидкостью стек на пол.

Я судорожно втянул в себя порцию воздуха и проснулся. Уфф! Моя собственная кровать. Руки мои немедленно потянулись к шее, скользнули по плечам. Тело на месте, голова надежно сидит на нем, а вот в ноздрях стоит еще запах клубничной пены для ванны и маринада из банки.

Дракон Гримвильф. Алекс Фьерро с ее гарротой. Локи, проникший сквозь дядю Рэндольфа в мою голову, чтобы предупредить о свадьбе, которая состоится пять дней спустя... Слишком многое здесь соответствовало действительности, чтобы попросту отмахнуться от этих видений.

Я оказался на яхте с Рэндольфом в день, когда он потерял семью. Наши воспоминания с ним сплелись в единый клубок, и на грудь мне тяжелым грузом легло его горе. Дядина боль от утраты Кэролайн, Обри и Эммы отзывалась теперь во мне столь же сильно, как скорбь по маме. Подозреваю, что Рэндольфу было даже в чем-то больнее. Я-то, по крайней мере, наверняка ведь знал, что мамы уже нет в живых, а его день ото дня изводила и грызла надежда на их возвращение.

Второе видение, с Блитценом и Хэртстоуном, которые явно спешили ко мне на помощь, меня бы даже обрадовало, если бы перспективу грядущей встречи не омрачила тревожная жестикуляция Хэрта: «Слишком опасно... смерть...»

И, наконец, сцена в баре. Странная парочка. Молот, который спрятан где-то у Трима. Обсуждение планов захвата Мидгарда и женитьбы на Сэм. Готов поспорить на пятьдесят дублонов из красного золота и обед в «Фалафельной Фадлана», что они великаны. Я ощутил во рту вкус маринада. Трим собрался жениться на... Сэм! Какого Хельхейма?

– Ты должен доставить невесту и приданое, – всплыли у меня в памяти слова Локи. – Альянс. Исключительно выгодное предложение.

Да он что, окончательно спятил? Хороша помощь! Вернуть молот в обмен на Сэм. И почему же она мне сама не сказала об этом ни слова? Действительно, что ли, стесняется, как убеждал меня Локи?

Память моя воскресила нашу с ней встречу в «Мыслящей Чашке». Она так напряглась тогда, стоило мне коснуться темы ее семейных проблем. Даже чашка в ее руке задрожала. Значит, она торопится отыскать молот не только из-за опасности нападения великанов на Мидгард. В это дело замешана напрямую ее собственная судьба.

От мысли, что если мы не отыщем вовремя молот, она готова ради спасения мира принять ужасающий брачный сговор, меня застряло. Самира ведь любит Амира, они помолвлены. У Локи нет никакого права мешать ее счастью. Я должен разрушить этот кошмарный план и добыть своего, пусть даже понадобится поднять целые армии эйнхериев, эльфов и элегантно одетых гномов и сжечь Йотунхейм. Но в первую очередь мне, конечно же, следовало как можно скорее откровенно поговорить с ней.

Я выбрался из кровати. Колени мои еще ныли подагрической болью пожилого дядюшки Рэндольфа. Разумеется, мне это теперь лишь казалось, однако на пути в ванную я с удовольствием бы воспользовался его тростью.

В кухне я взял со стола мобильник. На экране высветилось девятнадцать ноль два. Следовательно, ежедневный вальгалльский пир уже начался. Ни разу я еще так долго не восстанавливался после смерти в учебном бою. Обычно мне удавалось, наоборот, ожить одному из первых. Но раньше мне не сносили ни разу гарротой голову.

Одеваясь, я листал пришедшие эсэмэски. От Аннабет ни одной. Как же мне бы сейчас пригодились и ее свежий и здравый взгляд на события, так сказать, извне, и ее советы, и вера, что я в состоянии справиться с любыми трудностями.

Дверь распахнулась. Внутрь влетели три ворона и, покружась над моей головой, приземлились на нижнюю ветку дерева в атриуме. Я поежился под их взглядами. Они взирали на меня так, будто я не гожусь им даже на ужин.

– Ну, извините уж, опоздал, – покаянно пробормотал я. – Только сейчас удалось проснуться.

– Кар-р!

– Кар-р!

– Кар-р!

Я легко это перевел:

– Поторопись-ка, лентяй!

– Двигай конечностями!

– Вперед, недоумок!

Могли бы так и не суетиться. Я и сам собирался скорей оказаться на месте. На пиру ведь будет Самира. Вдруг мне удастся поговорить с ней.

Я надел на шею цепочку с кулоном. По груди моей разлилось тепло. Похоже, Джеку хотелось ободрить меня. Или у него просто было хорошее настроение после встречи с той алебардой. Я тоже радовался, что мы снова вместе. И к тому же испытывал четкое ощущение, что в ближайшие несколько дней казенный вальгалльский меч будет мне бесполезен. Ситуация достигла уровня Меча Лета.

Глава X. Викинговский пир в гавайском стиле как самый паршивый и неудобный вариант вальгалльских пиров

Мало нам было драконовского четверга, так нам еще организовали в Трапезной Павших Героев гавайское луау.

Меня теперь от одного этого слова тошнит!

Руководство отеля, конечно, из кожи вон лезло, стремясь обеспечить эйнхериям, ожидающим здесь наступления страшных дней Рагнарока, интересный и разнообразный досуг. Но даже с такой точки зрения и даже с учетом того, что викинги всегда охотно заимствовали элементы чужих культур, хотя сами культуры эти потом порой и уничтожали, луау мне представляется слишком уж неуместным заимствованием. Представьте себе толпу из тысяч эйнхериев в гавайских рубашках и с ожерельями из цветов. Я бы уж лучше, чем видеть такое, предпочел, чтобы мне кинули промеж глаз гранату с неоновой краской.

Столы в Трапезной Павших Героев располагались ярусами, как скамейки на стадионе, с той только разницей, что вместо арены высилось Древо Лерад. Размером оно могло посоперничать с небоскребом торгово-развлекательного центра Пруденшл, а ветви его раскинулись во всю ширь огромного потолка-купола. Весь зал до самого верхнего яруса был забит народом. Возле корней Лерада, над огнем, разведенным в глубокой яме, жарился на вертеле наш обычный ужин – туша Сэхримнира, вечного волшебного животного для пиров, шея которого сегодня была украшена ожерельем из орхидей, а в пасть ему запихнули ананас размером со штат Висконсин.

Валькирии метались в воздухе, наполняя кувшины, подавая еду и осторожно лавируя между множеством факелов, которые горели в проходах, чтобы от их пламени не вспыхнули травяные юбки в гавайском стиле.

– Магнус! – услышал я голос Ти Джея. Он мне показывал жестами, что занял для меня место рядом с собой. Возле него стояла винтовка, обмотанная рядами скотча. Хорошо же дракон над ней потрудился.

За нами не закреплено постоянных мест. Видимо, руководство отеля таким образом доставляет нам удовольствие перед каждой едой сразиться за лучшие, и сегодня моим друзьям удалось отбить для всех нас совсем недурные позиции. В третьем ряду, совсем близко от стола танов.

– А вот и наш соня, – улыбнулся Хафборн, продемонстрировав зубы с застрявшими между ними кусочками жаркого из Сэхримнира. – Аликарл, дружище!

– Не аликарл, а алоха, – двинула ему локтем в бок Мэллори. – То есть «привет» по гавайски. А аликарл значит по-древнескандинавски «толстяк», и тебе, Хафборн, это прекрасно известно.

– Да просто слова похожие, – вновь улыбнулся тот и заколотил по столу моим кубком. – Медовухи и мяса для моего друга!

Я сел между Мэллори и Ти Джеем. Валькирии мигом налили мне медовуху, а тарелка моя наполнилась до краев жареным мясом Сэхримнира с галетами и подливкой. Очень кстати. Несмотря на кошмары, которые мне пришлось испытать сперва в битве с драконом, а затем в своих снах, голод меня обуял ужасный. У меня после возрождений вечно разыгрывается аппетит.

Какое-то время я молча и сосредоточенно наворачивал за обе щеки. Затем, утолив первый голод, принялся оглядывать трапезную. Стол танов занимало давно знакомое всем нам сообщество знаменитых покойников. Ближе всех ко мне располагались авантюрист и герой

Техасской революции Джим Боуи, сложивший голову в бостонской битве, Криспус Атокс и известный журналист, лауреат Пулитцеровской премии Эрни Пэйл, погибший в битве за Окину во время Второй мировой войны. Справа и слева от них сидели другие героические и славные чуваки, отважно погибшие в разные периоды истории, – от древнескандинавских времен до наших дней. Ну и Хельги, естественно, тоже был среди них, а в центре стоял трон Одина. Всеобщий Отец появлялся здесь крайне редко. Последний раз это произошло, когда завершились наши январские приключения. С той поры о нем ни слуху ни духу. Одна только Сэм время от времени получает от него какие-то указания. Видимо, он поглощен работой над новой книгой «Пять ваших лучших дней перед Рагнароком» и попутно продумывает презентацию, которая будет сопровождать ее выход в свет.

Слева от стола танов находился стол почета. Сегодня за ним сидели всего лишь двое – Алекс Фьерро и доставившая ее в Вальгаллу валькирия Самира аль Аббас. Это значило, что за последние четыре часа героической смертью, достойной Вальгаллы, погибла во всех Девяти Мирах одна только Алекс.

Ситуация, в общем-то, не столь редкая. Количество достойно погибших на ежедневных наших пирах в их честь варьировалось от нуля до двенадцати. И все же сейчас я подозревал, что некоторые просто решили сегодня не проявлять отваги, избегая соседства с Алекс за почетным столом. Даже две валькирии-стражницы за ее спиной были наготове, словно бы ожидая, что она вот-вот попытается убежать. И в позе Сэм ощущалось страшное напряжение. За дальностью расстояния я не слышал, о чем она говорила с Алекс, однако мог себе весьма ясно это представить.

Сэм:

– Вот попали.

Алекс:

– Попали.

Сэм:

– Сильно попали.

Алекс (кивая):

– По полной попали.

Ти Джей отодвинул в сторону пустую тарелку.

– Ну и бой у нас был сегодня. В жизни еще не видел, чтобы вот так спокойненько: чирк, и все, – резко провел он пальцем поперек шеи. – Быстро, четко и без эмоций.

Рука моя сама собой потянулась к горлу, и я лишь с большим трудом удержал ее на полпути. Как-никак, голову-то отрезали именно мне, и тоже, знаете ли, первый раз в жизни.

– Не очень приятное ощущение, правда? – покосилась на меня Мэллори. – А что с тобой, Магнус, происходило до этого? Из тебя шел такой пар. Будто вот-вот взорвешься.

Мы, четверо, уже успели настолько сдружиться, что я доверял им, как членам семьи, под которой, естественно, подразумеваю кузину Аннабет, а не дядю Рэндольфа. И я рассказал без утайки о Локи, представшем мне в безобразном смокинге и пригласившем меня на свадьбу, о Хэрте с Блитцем и о прелестной парочке великанов из бара.

– Трим? – вытащив пару-другую крошек из бороды, спросил Хафборн Гундерсон. – Мне это имя знакомо по древним легендам. Так звали короля земляных великанов. Но вряд ли ты его видел. Он ведь был капитально убит несколько столетий назад.

Мне вспомнился козел Отис, который, по словам Сэм, даже и капитально убитый, потом восстанавливается из туманов Гиннунгагапа.

– Ты хочешь сказать, великан возродиться не может? – спросил я у Хафборна.

Он презрительно фыркнул:

– До сих пор прецедентов вроде бы не было. Так что, думаю, ты просто видел кого-то другого. Имя-то распространенное. Но если у него молот Тора...

– Тише, – предупредил его я. – Нам совершенно не стоит распространяться о том, что он не в руках своего хозяина.

– Вот именно, – проворчала Мэллори. – Значит, этот твой великан собрался жениться? Она-то знает про эту затею? – ткнула девушка указательным пальцем в сторону Сэм.

– Это нам и надо как можно скорее у нее выяснить, – отозвался я. – Свадьба намечена через пять дней. А потом, если Трим не получит невесту...

– То отправится на телеграф, – подхватил Ти Джей, – и разошлет всем великанам депеши: «Молот Тора находится у меня. Идем, ребята, на Мидгард».

Я, проявив деликатность, счел за лучшее не травмировать его психику информацией, что никто давно уже в таких целях не пользуется телеграфом.

– Не понимаю, с чего этот Трим столько времени выжидал? – задумчиво произнес Хафборн, прочищая зубы ножом для стейков. – Если молот находится у него уже несколько месяцев, по идее давно бы должны были напасть.

Я не был уверен на сто процентов в правильности своей догадки, но мне казалось, что промедление как-то связано с Локи. Он ведь известный манипулятор. Перед одним внезапно появится, другому нашепчет. Умеет влиять на ход многих событий, сам оставаясь за сценой. Ясно мне было одно: какие бы цели он ни преследовал своей затеей свадебного обмена, в число их не входит тревога за судьбу Мидгарда. Ну не относится он к числу хороших добрых парней, которые помогают кому-то от чистого сердца.

Я взглянул на Алекс Фьерро. В памяти всплыли ее слова о драконе Гримвильфе: «Это он отправил его сюда за мной. Ему известно, что я теперь здесь».

– Ты тоже думаешь это? – вывела меня из задумчивости Мэллори. – Ну, что Алекс не могла появиться здесь просто случайно именно в тот момент, когда случилось все остальное. Ее ведь, наверное, Локи послал?

Горло мне сжало, будто бы золотая рыбка, которая выпрыгнула из меня в ванну, снова залезла ко мне в пищевод.

– Локи хитер, но он не в силах пристроить кого-то в эйнхерии, – прохрипел я.

– О, мой друг, – покачал головой Ти Джей. Гавайская рубашка в сочетании с кителем конфедератов придала ему сходство с детективом из сериала «Гавайи Пять-0:1 862». – А как, спрошу я тебя, смог Локи отправить на наше учебное поле боя древнего дракона? И как, наконец, умудрился помочь конфедератам выиграть первую битву при Булл-Ране?

– Локи и это сделал? – ошалело уставился на Ти Джея я.

– Ну, я это просто к тому, что не будем недооценивать силы Локи, – продолжал он. – Он способен на очень многое.

Дельный совет, ничего не скажешь. И все-таки мне не верилось, что Алекс Фьерро шпионит для своего папаши. Конечно, она из тех, кого называют «гвоздь в заднице». И к тому же очень опасна. Но работать на своего отца...

– Полагаю, Локи бы догадался прислать в своих целях кого-то понезаметней, – возразил друзьям я. – А кроме того, вселившись мне в голову, он сказал, что Алекс не следует приглашать на свадьбу. Она, мол, все испортит.

– Обратный психологический эффект, – продолжал ковырять ножом в зубах Хафборн.

– Много ты в психологии смыслишь, тупица, – хихикнула Мэллори.

– Или трижды обратной психологии, – пошевелил кустистыми бровями берсерк. – Локи натура феноменально скользкая.

Мэллори запустила в него печеной картофелиной.

– Я всего лишь имела в виду, что за этой новенькой следует понаблюдать. После того как она убила дракона...

– При небольшой моей помощи, – бросил со скромным видом Ти Джей.

– Но после она ведь скрылась в лесу! – возмущенно воскликнула Мэллори. – Предоставив Ти Джею и мне самим о себе позаботиться. А тут остальные драконы на нас и поперли. И я вот думаю: откуда бы им так сразу вдруг взяться?

– И всем возле нас, – продолжил Ти Джей. – И вправду немного странно.

– Вот уж не вижу ничего странного, – хрюкнул Хафборн. – Фьерро – дочь Локи да к тому же еще и аргр. А им никогда нельзя доверять в бою.

– Твое отношение к арграм еще оскорбительнее, чем твой запах, – потрепала его по руке Мэллори.

– А мне еще оскорбительнее то, что ты обзываешься, – парировал Хафборн. – Я просто имею в виду, что аргры – не воины.

– Может, ты все-таки мне объяснишь, кто такие аргры? – потребовал я. – Когда ты первый раз произнес это слово, мне показалось, это название какого-то монстра. Ну, или пирата. А теперь полагаю, что это касается больше трансгендеров. Так или нет?

– Если перевести дословно, это значит «немужественный», – сказала Мэллори. – Смертельное оскорбление для больших неотесанных викингов вроде этого, – ткнула пальцем в сторону своего бойфренда она.

– Ба! – выкрикнул тот. – Но все не так просто. Оскорбительно это слово только для тех, кто не аргры. Чтобы ты, Магнус, знал, люди с плавающим гендером родились совсем не сегодня. Среди древних скандинавов их было полно. И многие сыграли свои роли в истории! Из них получилось много великих жрецов и волшебников. – Он покрутил в воздухе ножом для стейков. – Ну, в общем, тебе, наверное, теперь ясно.

– Мой бойфренд настоящий неандерталец, – словно бы вскользь отметила Мэллори.

– Отнюдь, – мотнул головой Хафборн. – В моем лице вы можете наблюдать современного просвещенного человека, который родился в восьмьсот пятидесятом году нашей эры. Поговорили бы вы с эйнхериями семисотых годов. У них не столь объективный взгляд на такие явления.

Ти Джей глотнул медовуху. Взгляд его устремился куда-то вдаль.

– Во время войны у нас был разведчик из индейского племени Ленап. Он называл себя Мама Уильям.

– Для военного это просто дичайшее имя, – вмешался Хафборн. – Вряд ли кто-нибудь затрепещет от ужаса перед Мамою Уильямом.

– Честно сказать, первое время мы были в полном недоумении, – пожал плечами Ти Джей. – Сущность этого малого менялась день ото дня. Он объяснял, что в теле его живут две души, – мужская и женская. Только уж вы мне поверьте: такого великого и отчаянного разведчика я больше никогда не встречал. Сколько жизней он спас! Без него бы не избежать нам засад на марше через штат Джорджия.

Я продолжал наблюдать за Алекс, которая медленно ела, аккуратно насаживая на вилку кусочки моркови и картошки. Поди-ка сейчас подумай, что эти нежные пальчики совсем недавно сразили дракона и срезали мою голову!

– Если она тебя привлекает, Магнус, в этом нет ничего плохого и стыдного, – склонился к моему уху Хафборн.

Я поперхнулся куском Сэхримнира.

– Ты что! Я... Нет...

– Но ты ведь так на нее таращишься, – ухмыльнулся Хафборн. – Кстати, ведь и жрецы Фрея были достаточно гендерно нестабильны. На праздники урожая они облачались в платья и исполняли такие танцы...

– Хватит меня дурить, – не поверил я.

– И не думаю, – рассмеялся он. – Однажды в Упсале мне повстречалась одна прекрасная...

Его прервал оглушительный рев рогов. За столом танов поднялся на ноги Хельги. Пиджак его был починен, борода выровнена. Только вот с шевелюрой, видно, он не смог ничего поделать, поэтому нахлобучил на голову огромный боевой шлем.

– Эйнхерии! – прогремел его голос по всему залу. – Сегодня к нам прибыл еще один павший воин, и, насколько я знаю, подвиг его впечатляющ. – Он мрачно глянул на Самиру аль Аббас, словно бы спрашивая, не обманула ли та его, и продолжил: – Встань же, Алекс Фьерро, и потряси нас своей историей!

Глава XI. Народ взвивается на ноги и устраивает овацию стоя

По виду Алекс никак нельзя было предположить, что она намерена нас потрясти.

Она встала с видимой неохотой и, одергивая свою вязаную безрукавку, окинула таким взглядом присутствующих, словно бы собралась вызвать каждого на дуэль.

– Алекс, сын Локи... – с пафосом начал Хельги.

– Дочь, – жестким голосом перебила Алекс. – И буду такой оставаться, пока не скажу иначе.

Джим Боуи за столом танов поперхнулся медовухой.

– Это как это?

Эрни Пайл, склонившись к его лицу, зашептал ему что-то на ухо, а затем, выхватив из кармана свой журналистский блокнотик, быстро черкнул в нем ручкой несколько строк и поднес написанное к глазам Боуи, сидевшего по другую сторону от него.

Глаз и щека у Хельги задергались, как от тика.

– Как пожелаешь, дочь Локи, – с трудом выдавил из себя он.

– И не считайте себя обязанным упоминать имя моего отца. Он мне не очень нравится, – сердито добавила Алекс.

По трапезной пролетел нервный смех. Самира, стоявшая рядом со своей подопечной, принялась разжимать и сжимать кулаки, словно разогревая мышцы. Думаю, злилась она совсем не из-за того, что сказала Алекс. Сэм и сама не слишком-то жаловала их общего родственника. Страшило ее другое: если Алекс покажется танам недостойной Вальгаллы, Сэм тут же вышибут из валькирий и сошлют в Мидгард, как уже один раз и случилось после того, как она представляла меня.

– Ну хорошо, – продолжил Хельги сухим, как пустая глазная впадина Одина, голосом. – О, некое дитя некоего небезызвестного нам родителя, посмотрим же видеорепортаж «глазами валькирии», посвященный твоим деяниям.

Ох, эти сегодняшние викинги, вооруженные современными технологиями! Ствол дерева Лерад в мгновение ока засиял огромными голографическими экранами, и на них пошла запись с камеры, которая была на Самире в момент гибели Алекс.

Пользоваться этими мини-камерами, которые прикреплены к одежде каждой валькирии, наверняка не составляло особенного труда, и уж Сэм-то с ее успехами в области точных наук и авиации могла бы спокойно ее освоить, но ни фига подобного. Она обращалась с ней хуже пещерного человека. То забудет в нужный момент включить, то выключить, то придать ей нужное положение. Из-за этого видеорепортажи у нее получались порой не в фокусе, а порой зрители могли наблюдать на них лишь ее собственный нос.

Сегодня качество записи оказалось достаточно сносным, вот только Сэм явно случайно нажала на запись уже в семь утра, предоставив возможность всей трапезной наблюдать сцену в доме ее бабушки с дедушкой. Действие разворачивалось в маленькой, очень уютной гостиной с двумя диванами и двумя креслами, обитыми замшей, низеньким столиком и камином, над которым висел забранный в рамку белый пергамент с золотым витиеватым орнаментом. Под ним, на каминной полке, стояло на видном месте несколько снимков. Сэм, совсем маленькая, держит в руках игрушечный самолетик. Сэм-младшекласница на футбольном поле. И Сэм-старшекласница, которой вручают за что-то огромный кубок. По этим фото, выставленным на самом виду, можно было легко понять, как дедушка с бабушкой ей гордятся.

Сэм, увидав, какие картинки воспроизводятся на экранах, едва подавила крик, но ничего уже не могла с этим поделать. Видео тем временем переместилось из гостиной в столовую, где

три пожилых человека пили чай из изящных фарфоровых чашек с золотой каемкой. Одного из них, с пышной седой шевелюрой, одетого в строгий синий костюм, без сомнения, судя по идеальной посадке, сделанный на заказ, я знал. Абдель Фадлан – владелец «Фалафельной Фадлана». Двумя другими были, по-видимому, Джид и Биби – дедушка и бабушка Сэм. Джид внешне смахивал то ли на Санта-Клауса, то ли на Эрнеста Хемингуэя – плотно сложенный, с белой бородкой на округлом лице. Морщинки около глаз выдавали улыбочивость этого человека, но сейчас он сидел с очень мрачным видом, а серый его костюм, вероятно, классно на нем смотрелся лет двадцать назад, когда весил он фунтов на двадцать меньше. Биби выглядела куда эффектнее. Одетая она была в красное платье, расшитое золотом, хиджаб из такой же ткани прикрывал ее голову. Сидела она за столом с поистине королевской осанкой. Даже в том, как она налиwała чай мистеру Фадлану, ощущалась величественность.

По ракурсу видео я догадался, что место Самиры находилось напротив камина, возле которого, то и дело взъерошивая растопыренной пятерней гладкую темную шевелюру, нервно расхаживал взад-вперед Амир Фадлан. Одет он был, как всегда, модно и в своем излюбленном стиле – обтягивающие джинсы, белоснежная футболка, элегантный жилет. Вот только лицо его, совершенно утратив обычную жизнерадостность, выражало растерянность и страдание, словно на него только что обрушилась какая-то ужасная весть.

– Сэм, я не понимаю, – говорил он. – Я ведь люблю тебя.

Народ в трапезной хором охнул.

– Заткнитесь! – рявкнула Сэм.

Зал ответил ей громовым хохотом.

Она уже едва сдерживалась от слез, но все же сообразила сделать то, что еще было можно. Видео замелькало в ускоренной перемотке. Сэм пилит по воздуху на встречу со мной в «Мыслящей Чашке», а затем, получив ту самую эсэмэску с кодом 381, устремляется вон из кафе, летит через парк Даунтаун-Кроссинг, затем снижается по спирали и зависает над тупиком между зданиями двух заброшенных театров.

Сэм снова пустила видео в нормальном режиме. Место, над которым она находилась, я прекрасно знал. Сразу за углом приюта для бездомных. Чудненький такой темненький тупичок. Если вам вдруг приспичило, чтобы вас ограбили, избили или убили, лучшего уголка не сыщете во всем Бостоне.

Ну, а в момент, когда туда прибыла Самира, тупичок этот превратился в лучшее место для нападения разъяренных волков на беззащитного человека.

Три огромных зверюги загнали в угол к задней стене бездомного, и единственным, что его еще отделяло от них, была тележка из магазина «Рош-Бразерз», доверху наполненная пустыми банками, которые этот несчастный, видимо, вез сдавать в пункт переработки.

Съеденный ужин внутри у меня встал колом. Волки всегда возвращали меня к кошмарным воспоминаниям о гибели мамы. Даже вполне обычные мидгардские волки. Но эти-то, в тупике, были совсем не обычные. Каждый размером с лошадь, глаза человеческие, губы растянуты в глумливых усмешках. Шерсть их окутывал синий фосфоресцирующий туман, всполохами освещающий стены. Словом, все в них свидетельствовало, что это дети Фенрира. Пружина на лапах, они расхаживали возле жертвы, алчно втягивая ноздрями витающий в воздухе запах страха.

– Назад! – пытаюсь их оттолкнуть тележкой, хрипел старик. – Говорю же вам: не хочу. Не верю я в это.

Эйнхерии в трапезной осуждающе загудели, и я понял, в чем дело.

Некоторые из современных людей-полукровок, рожденных от древнескандинавских богов и богинь, не принимали назначенную им судьбу. Они отворачивались как от существования Девяти Миров, так и вообще от всего необычного, что с ними происходило. Встретив монстров, они не пытались сразиться с ними, а попросту убегали и прятались. Все странно-

сти своей жизни подобные люди списывали на нарушение психики. Кто-то из них начинал лечиться, а кто-то вообще превращался в алкоголика или наркомана и в результате оказывался на улице. Наверное, человек в тупике был одним из таких.

В реакции трапезной отвращение мешалось с сочувствием. Убегая всю жизнь от своей судьбы, этот старик в итоге попал в западню, и теперь вместо того, чтобы с честью пасть как герой и удостоиться жизни в Вальгалле, падет смертью труса и окажется в холодной стране Хель. Самая ужасная участь, которую только может себе представить эйнхерий.

– Эй! – вдруг раздался окрик в конце переулка, и скоро в кадре возникла Алекс Фьерро. Расставив широко ноги и уперев руки в бока, как супергерл, если бы у той были зеленые волосы и розово-зеленая безрукавка, она явно готовилась к бою. Полагаю, ей просто случилось проходить мимо и она услышала то ли крики старика, то ли волчий рык. Самой ей опасность явно пока не грозила. Волки слишком были сосредоточены на своей добыче, и она спокойно себе могла пройти мимо. Алекс, однако, ринулась напрямиком на них, принимая на ходу облик немецкой овчарки.

Собака значительно уступала в размере троим зверюгам. Тем не менее ей удалось сбить с ног самого крупного волка. Клыки Алекс впились ему в шею. Волк, извернувшись, хотел нанести ей ответный укус. Она сумела отпрыгнуть в сторону, а из разверстой пасти зверюги раздался лишь яростный рык. Подняться с земли он пока что не мог, но на Алекс уже напали два других волка.

В момент обернувшись опять человеком, она выдернула из-за пояса свою гарроту и принялась сечь ей противников, как хлыстом. От первого же удара голова одного из волков покатила по земле. Трапезная наполнилась одобрительным гулом эйнхериев. Еще один столь же виртуозный выпад, и с третьим волком было бы тоже покончено. Алекс, увы, не успела. Волк напал на нее. Сцепившись, они покатались по переулку. Алекс вновь обернулась овчаркой. Она кусала зверюгу, рвала когтями, но слишком уж разными были у них размеры и вес.

Я вдруг поймал себя на умоляющем бормотании:

– Ну же, пожалуйста, превратись поскорее в кого-нибудь более крупного.

Собаки мне всегда нравились куда больше, чем большинство людей, и уж определенно больше, чем волки. Видя, как на моих глазах раздирают немецкую овчарку, я просто сжимался от боли. Морда и глотка собаки уже почти сплошь покрылись ранами. Алекс вдруг обернулась ящерицей, юрко выскользнула из-под противника, отползла на несколько футов и приняла человеческий облик. Одежда ее была изодрана в клочья, лицо представляло собой кошмар из рваных ран и укусов.

К несчастью, первый зверюга все же сумел очухаться и взвыл с такой силой и яростью, что голос его, рикошета эхом от стен домов, понесся по переулку. Мне стало ясно: вот он, тот самый вой, из-за которого я упустил на крыше козлюбийцу!

Два уцелевших волка бросились вместе на Алекс. Их голубые глаза сверкали от ненависти. Она скользнула рукой под завязанный вокруг бедер свитер. Теперь я понял, зачем она таким образом его носит. Под ним скрывался заткнутый за ремень брюк охотничий нож.

– Ну, действуй же! – кинула она нож бездомному. – Помоги мне!

Нож пролетел по асфальту. Старик попятился от него, продолжая цепляться двумя руками за свою тележку.

Волки стремительно надвигались на Алекс. Она наконец-то решила стать кем-то, кто превышал их размерами. То ли буйволом, то ли медведем. Определить было трудно. Ей уже не хватало энергии для таких превращений, и, сбита волками с ног, она вернулась в обличье человека.

Билась она отчаянно, накинув одному волку на шею гарроту, а другого пиная ногами. Но силы ее убывали. Самого крупного волка она задушила. Он рухнул, подмяв ее под себя. И в

это время последний зверюга вцепился ей в горло. Она попыталась его задушить, но глаза ее уже застила мутная пелена, а руки не слушались.

Старик, подняв нож, двинулся потихоньку к последнему волку и с потрясенным воплем, будто не веря сам, что он это делает, вогнал ему лезвие в спину. Монстр упал мертвым. Старик шархнул в сторону. Тридохлых волка валялись на мостовой, и шерсть их все еще продолжала мерцать неоновым светом. Алекс Фьерро еще дышала, однако вокруг ее головы, как нимб, растеклась лужа крови. Бездомный вмешался в бой слишком поздно для нее.

Старик бросил нож и, громко всхлипывая, пустился бежать.

План на видео укрупнился. Самира, спустившись к павшей воительнице, простерла к ней руку. Из разбитого тела Алекс выплыл сияющий золотом дух, лицо которого сразу нахмурилось. Он явно был раздосадован столь внезапным призывом.

На этом ролик и кончился. Спор Алекс с Сэм, закончившийся фингалом под глазом, и дебош, устроенный новенькой по прибытии в Вальгаллу, остались за кадром. То ли в камере у Самира иссяк заряд, то ли она сознательно прекратила съемку, не желая снижать впечатления от героизма своей подопечной.

Трапезная погрузилась в столь полную тишину, что стало слышно, как пламя потрескивает во множестве факелов. А затем эйнхерии взорвались овалцами.

Таны поднялись на ноги. Джим Боуи смахнул со щеки слезу. Эрни Пайл шумно высморкался. А Хельги, недавно выглядевший таким сердитым, теперь откровенно рыдал, аплодируя Алекс Фьерро.

Самира, явно не ожидая столь дружной реакции, потрясенно оглядывалась по сторонам.

Что же до Алекс, ее присутствие сейчас мог с полным успехом заменить манекен. Уставившись неподвижно туда, где недавно светились экраны, она, кажется, думала лишь об одном: «А нельзя ли усилием воли взять да и отмотать мою эту гибель назад?»

Едва стихли аплодисменты, Хельги поднял вверх кубок.

– Алекс Фьерро! Ты билась, забыв о собственной безопасности, против превосходящих сил противника во имя спасения незащитного человека. Ты предложила этому человеку оружие, дав ему шанс искупить свою трусость и стать достойным Вальгаллы. Такие храбрость и верность чести в ребенке Локи – явление редкостно выдающееся.

Сэм было открыла рот, намереваясь сказать что-то Хельги, но ей помешал новый шквал оваций, вслед за которым управляющий продолжил:

– Впрочем, мы научились не слишком сурово судить детей Локи. Вот, например, недавно Самире аль Аббас обвинили в поведении, недостойном валькирии. Но мы в результате простили ее. И сегодня имеем возможность наблюдать подтверждение нашей мудрости.

Новые аплодисменты. Таны кивали, похлопывая друг друга по плечам и словно бы говоря: «О да! Мы такие мудрые, непредвзятые и объективные! Поэтому и сидим за этим почетным столом».

– И таких подтверждений множество, – снова заговорил Хельги. – Однако столь выдающийся героизм, проявленный аргром... – И он улыбнулся остальным танам, призывая их разделить свое потрясение. – У меня просто нет слов. Воистину, Алекс Фьерро, ты высоко поднялась над тем, что способны мы ожидать от тебе подобных. За Алекс Фьерро! За кровавую смерть!

– За кровавую смерть! – грянули толпы эйнхериев.

И никто из них даже не замечал, как глянула, крепко сжав кулаки, на стол танов Алекс. Подозреваю, что похвалы Хельги не сильно ее восхитили.

А тот не стал даже звать провидицу-валу, чтобы она прочитала на рунах судьбу вновь прибывшей. Я, когда здесь появился, прошел через это, а Алекс вот оказалась избавлена. Должно быть, предполагалось, что таны и так не испытывают сомнений: она обязательно совершит великие подвиги в день Последней Битвы.

И начался праздник по полной программе. Эйнхерии хохотали, то и дело сходились в шуточных схватках и требовали еще и еще медовухи. Валькирии в травяных юбочках и цветочных ожерельях сновали в воздухе, едва успевая пополнять стремительно опустевавшие кувшины. Музыканты наяривали древнескандинавские танцы, звучащие как мелодии в стиле акустик дэт-метал, исполненные хором диких кошек.

Мне атмосферу праздника сперва отравила Мэллори.

– Ты по-прежнему убежден, что Алекс Фьерро по праву стала эйнхерием? – спросила она. – Нет мысли, что, если Локи задумал заслать к нам шпиона, у него не могло получиться лучше?

Мне показалось, будто меня опять качает на попавшей в свирепый шторм яхте Рэндольфа. Я хотел думать об Алекс только хорошее. Да и Сэм говорила мне множество раз, что обманом в Вальгаллу попасть невозможно. С другой стороны, с тех пор как я стал эйнхерием, самые разные невозможности происходят со мной каждый день, чаще, чем завтрак, обед и ужин.

Не успел я еще хоть как-то переварить сомнения, посеянные во мне Мэллори, над головой у меня что-то мелькнуло. Я поднял взгляд, ожидая увидеть кого-нибудь из валькирий или одно из волшебных животных, во множестве обитающих на Лераде. Открылось, однако, мне совершенно другое. Ста футами выше меня, прячась в сени густой листвы дерева и почти сливаясь со мглой, затаилась фигура в черном, которая пристально наблюдала за нашим праздником и время от времени похлопывала в ладоши. На голове ее был нахлобучен железный шлем с маской волка.

– Козлоубийца на дереве! – хотел крикнуть я, но его уже не было. Только с ветки, где он мгновенье назад таился, спланировал одинокий листик, упавший прямиком в мой кубок с медовухой.

Глава XII. Самира и Магнус Р-А-З-Г-О-В-А-Р-И-В-А-Ю-Т, сидя на дереве

Едва первые толпы эйнхериев потянулись к выходу из трапезной, я заметил, что Самира улетает.

– Эй! – попытался остановить я ее, но окрик мой потонул в общем гвалте.

Сорвав с цепочки кулон, я оживил Джека.

– Лети за Сэм, ладно? Передай, что мне надо срочно поговорить с ней.

– Есть вариант куда лучше. Только держись крепче за рукоятку, – ответил он.

– Мы полетим за ней вместе? Ты сможешь?

– На короткие расстояния, да, – подтвердил мой меч. – Эта опция обозначена в инструкции для владельца.

– Джек, к тебе нет никакой инструкции, – пресек я его болтовню.

– Тогда просто держись крепче, – повторил он. – И, естественно, после того, как ты снова меня превратишь в кулон...

– Я почувствую себя так, будто самостоятельно летал по воздуху. – Не было для меня давно в этом никакой тайны. – Ну, упаду без сознания или еще что-нибудь такое. Отлично. Поехали.

Летать компанией Джек-Эйр оказалось не слишком изящным занятием. Представьте себе чувака, который вцепился двумя руками в свой меч. Рожу перекосило от напряжения, ягодицы поджаты, ноги болтаются в воздухе. Прямо скажем, ничего общего с супергероем или валькирией. Где-то на высоте двадцатого яруса у меня с ноги сбило воздушной волной кроссовку, потом пару раз едва не разжались пальцы, а в остальном полет проходил нормально, и опыт полезный.

Наконец мы почти поравнялись с Сэм.

– Эй, справа по борту, – позвал я ее.

Она обернулась, зависнув в воздухе.

– Магнус! Что ты здесь делаешь? О, Джек! – заметила она мой самолет. – Как дела?

– Нормально, – с натугой прохрипел он. – Только нельзя ли где-нибудь приземлиться побыстрому? А то этот чувак все же немного тяжеловат.

Мы в темпе приземлились на ближайшую ветку дерева Лерад, и я первым делом рассказал Сэм про козлюбийцу, который прятался среди листьев. Она полетела предупредить остальных валькирий. Джек было принялся в ее отсутствие исполнять «Hands to myself», но, к счастью, Сэм почти тут же вернулась, и он заткнулся.

– Меня это очень тревожит, – сказала она.

– Вполне разделяю. – Я усмехнулся. – Джек мой отнюдь не Селена Гомес.

– Ну тебя, – отмахнулась Сэм. – Я имею в виду козлюбийцу. Он бесследно исчез. Охрана обшарила весь отель, но нигде его не нашла.

– Могу я песню теперь допеть? – спросил Джек.

– Нет! – запротестовали хором мы с Сэм.

Я чуть было вообще не превратил Джека обратно в кулон, но вовремя спохватился из опасения, что тогда сразу вырублюсь этак часов на двенадцать.

Сэм уселась рядом со мной на ветке. Мы глянули вниз. Трапезную покидали последние участники пира. Среди них я увидел своих друзей по девятнадцатому этажу. Ти Джей, Хафборн и Мэллори шли к выходу вместе с Алекс, ни на минуту не выпуская ее из поля зрения. Трудно было наверняка сказать, чем была вызвана столь трогательная опека. Дружескими чувствами или опасением, как бы она по пути в номер кого-нибудь не убила?

– Я знаю, что ты насчет нее сомневаешься, – словно прочла мои мысли Сэм. – Но она правда заслуживает здесь быть. Сама ее гибель... – Она помолчала. – Короче, я совершенно уверена в ее героизме. Не меньше, чем в твоём, Магнус.

Замечательный аргумент. Но так как я сам был не слишком уверен в собственном героизме, слова Сэм не лишили меня сомнений.

– Как твой глаз? – напомнил ей я.

– Это как раз совершенная ерунда, – коснулась пальцами синяка она. – Алекс попросту сорвалась. Уж можешь поверить мне. В тот момент, когда я впервые касаюсь руки человека, которого отвожу в Вальгаллу, мне открывается его душа.

– Значит, моя душа тебе тогда тоже открылась? – покосился с усмешкой на нее я.

Сэм фыркнула:

– Нет, у тебя там было слишком темно. Ни зги не видать.

– А, как она тебя! – воскликнул Джек.

– Мне вот интересно, есть ли такая руна, которая вас обоих заставит заткнуться? – счел я за лучшее прекратить обсуждение моей темной души.

– Алекс просто была раздражена и испугана, – сказала Сэм. – А я слишком поздно разобралась в причине. Только уже когда сюда доставила. Она боялась, что, став эйнхерием, навечно застрянет в одном гендере. А ей страшно этого не хотелось.

– Ну, теперь вроде ясно, – без особой уверенности пробормотал я. – Хотя не совсем.

А что еще можно было сказать по этому поводу? Сам-то я как-то жил с момента рождения в данном мне от природы поле, не ощущая по сему поводу ни малейшего дискомфорта. Что же должна была в этом плане чувствовать Алекс? Сделав некоторое усилие над своей психикой, я попытался представить себя на ее месте, и мне почему-то тут же пришла на ум мисс Манглер, которая походила на печально известного доктора Менгеле не только звучанием фамилии, но и взглядом на жизнь. Я у нее учился во втором классе школы и, хотя был от природы левшой, эта добрая преподавательница, приклеив намертво скотчем к столу мою левую руку, заставляла меня писать правой. «Магнус, так нужно, – твердила она, пока я, закованный скотчем, трясся от ужаса. – Потерпи, и привыкнешь». О, как же тогда, все узнав, разъярилась на нее моя мама!

Сэм вздохнула:

– Признаться, у меня мало опыта с...

– Арграми? – радостно встрепенулся в моей руке Джек. – Да они просто отличные! Вот как-то мы с Фреем...

– Джек! – жестким голосом перебил его я.

– Ладно, – тускнея рунами, отозвался он. – Посижу уж и дальше неодушевленным.

Сэм рассмеялась. Сброшенный с головы хиджаб висел у нее на шее, и ее длинные темные волосы рассыпались по плечам. В Вальгалле она часто себе позволяла подобную вольность, считая отель своим вторым домом, а эйнхериев и валькирий частью своей семьи. Несколько раздражало в этом одно: сброшенный с головы, этот платок из зеленого шелка начинал тут же переливаться, включая и выключая свои волшебные свойства, в результате чего шея и плечи Сэм то исчезали из вида, то вновь появлялись.

– Но разве тебя саму не тревожит Алекс Фьерро? – решил выяснить я. – Ты ведь религиозна, ну и все такое прочее, а она, как-никак... трансгендер.

Сэм иронически изогнула бровь.

– Религиозность моя и все такое прочее побуждает меня тревожиться здесь из-за многого. – Рука ее описала в воздухе круг. – Знал бы ты, сколько сомнений и внутренних мук мне пришлось испытать, когда выяснилось, что мой отец... ну, ты сам понимаешь... До сих пор не могу принять для себя, что древнескандинавские боги действительно боги. Я считаю, это просто могущественные существа, часть из которых приходится мне невыносимыми родственниками. Но создал их, как и все остальное на свете, единственный бог – Аллах.

– Сэм, а ты не забыла, что я атеист? – заходил у меня уже ум за разум от этих ее рассуждений.

– Звучит, как в том анекдоте, – улыбнулась она. – Попали однажды атеист и мусульманин в жизнь после смерти, но тут выяснилось, что она для язычников. Словом, трансгендерность Алекс – самая меньшая из моих проблем. Меня куда больше волнует, насколько сильна ее связь с нашим общим отцом. – Сэм провела пальцем по линии жизни у себя на ладони. – Понятно ли ей, что, так часто меняя облик, она впадает в зависимость от силы Локи? А ему нельзя давать власти больше, чем уже есть.

Я уже слышал от Сэм приблизительно то же, когда она объясняла мне, почему только в крайних случаях прибегает к оборотничеству. Мне лично кажется, что она это зря. Обладай я сам подобной способностью, каждые две минуты бы превращался в огромного белого медведя, доводя окружающих до медвежьей болезни.

– Какую конкретно власть ты имеешь в виду? – захотелось выяснить мне.

– Забудь, – отвела взгляд в сторону Сэм. – Я полагаю, ты так стремительно полетел вслед за мной не для беседы об Алекс.

– Зришь в корень, – подтвердил я и принялся ей рассказывать обо всем, что случилось на поле боя. Драконы. Локи в безвкусном смокинге, оккупировавший мою голову и пригласивший на свадьбу. Трим – великан с голосом, как у моржа, владеющий баром, продающий там самые омерзительно пахнущие маринованные огурцы во всем Йотунхейме и намеренный сыграть свадьбу с Сэм...

Джек тоже еще не слышал кое-каких подробностей этой истории, поэтому, несмотря на свое обещание посидеть неодушевленным предметом, то и дело выкрикивал: «Да ты шутишь!» – как в подходящих, так и в не совсем подходящих моментах.

Наконец я умолк. Сэм тоже молчала. На меня чуть повеяло холодом, как бывает, когда из висящего рядом с вами кондиционера вдруг вытечет фреон.

Внизу, под нами, заступила на вахту команда уборщиков трапезной. Вороны поднимали тарелки и чашки, а свора волков, доев остатки еды, тщательно вылизывала пол. Мы здесь, в Вальгалле, очень печемся о гигиене.

– Я собиралась тебе рассказать, – нарушила молчание Сэм. – Все случилось так быстро. Прямо как обрушилось на меня.

По щеке ее покатила слеза. Она ее быстро стерла ладонью. Никогда еще не видел Сэм плачущей. Мне так хотелось ее обнять. Ну, или хоть по плечу ободряюще хлопнуть, однако она просто на дух не выносила физических контактов. Даже от тех, кто, подобно мне, мог по праву считаться членом ее обширной вальгалльской семьи.

– Значит, ты именно это имела в виду, когда сказала мне в «Мыслящей Чашке», что Локи влез в твою личную жизнь? Пришел к твоим бабушке с бабушкой и к Амиру?

– Он им дал три приглашения. – И Сэм протянула мне точно такой же зеленый прямоугольник с надписью золотым курсивом, как Локи засунул в карман дяде Рэндольфу.

Несравненный Локи,
а также некоторые другие лица
приглашают Вас отпраздновать с нами
свадьбу
САМИРЫ АЛЬ АББАС БИНТ ЛОКИ
И
ТРИМА – СЫНА ТРИМА – СЫНА ТРИМА
когда:
пять дней спустя
где:
будет сообщено позже

зачем приходите:

потому что это лучше, чем Судный день.

Подарки приветствуются.

После церемонии состоятся танцы и дикие языческие жертвоприношения.

– Дикие языческие жертвоприношения? – обалдело уставился я на Сэм.

– Можешь вообразить, как это понравилось моим бабушке с дедушкой, – возмущенно произнесла она.

Я снова взглянул на текст приглашения. Слово «когда» неожиданно замигало, после чего слово «пять» превратилось в «четыре», а слово «где» подернулось голографической пленкой, словно под ним должен был вот-вот появиться какой-то конкретный адрес.

– А ты не могла им сказать, что это просто злая шутка?

– Нет, – покачала головой Сэм. – Ведь отец мой лично это доставил.

Я представил себе, как Локи сидит за столом в доме у Аль Аббасов, попивая неспешно чай из прекрасной чашки с золотой каймой. Лицо Джиды делается все красней и красней. А Биби, кипя от ярости, пытается из последних сил сохранять величественную позу, хотя из-под ее хиджаба готов уже вырваться пар.

– Локи им все рассказал, – продолжала Сэм. – И как познакомился с моей мамой, и как я стала валькирией. А потом заявил, что выбор для меня мужа – исключительно его дело. Мол, он, мой отец, уже все организовал и они не имеют права ему мешать.

– А приглашение-то, замечу, очень красивое, – просиял рунами Джек.

– Тебе что было сказано? – прорычал я.

– Ладно, ладно, – немедленно стушевался он. – Остаюсь неодушевленным.

– Но бабушка с дедушкой-то, надеюсь, не согласились выдать тебя за великана?

– Они совершенно растеряны и вообще не знают, что делать. – Сэм, взяв у меня из рук приглашение, кинула на него столь свирепый взгляд, словно надеялась таким образом превратить его в горстку пепла. – У дедушки с бабушкой были и раньше определенные подозрения по поводу Локи. Я ведь уже говорила тебе: многие поколения моей семьи связаны с древними богами, которых чем-то привлекает наш род.

– Добро пожаловать в наш клуб, – пробормотал я.

– Но Джид и Биби, пока не явился Локи, даже представления не имели, как далеко все зашло, – с досадой проговорила Сэм. – А самым обидным им показалось, что я скрывала от них свою жизнь валькирии. И Амир... – Она осеклась, и на глаза ей вновь навернулись слезы.

– На том видео в трапезной, где Амир у вас вместе с отцом. Они к вам пришли, и ты им пыталась все объяснить? – спросил я.

Она кивнула, нервно теребя в пальцах уголок приглашения.

– Мистер Фадлан не в курсе, что происходит. Ему кажется, что у нас с Амиром просто произошла какая-то размолвка. А вот Амир... Короче, он абсолютно все от меня сегодня узнал, и я обещала ему, что никогда в жизни не соглашусь на такое безумство, как выйти за Трима. Правда, не знаю, воспринял ли Амир мои слова всерьез? Вдруг ему показалось, что я просто сошла с ума?

– Что-нибудь придумаем, – постарался как можно бодрее произнести я. – Никто тебя не заставит насильно выйти замуж за великана.

– Ты недостаточно хорошо знаешь Локи, – покачала головой Сэм. – Он может разрушить всю мою жизнь. И он уже делает это. У него есть возможности... Дело в том... Он решил... – Голос ее срывался. – Считает себя единственным, кто в силах вести переговоры по поводу молота Тора. Представления не имею, какую цель он преследует в этой сделке, но уверена: ничего хорошего ждать от него нельзя. И единственный способ ему помешать – первыми найти молот.

– Тогда именно это и сделаем, – сказал я. – Нам ведь теперь известно, что он у этого Трима. Значит, надо идти и забрать его. Или просто расскажем Тору, и он по нашей наводке все сделает сам. По-моему, так даже лучше.

– Все не столь просто, сеньор, – прогудел, засиявши рунами у меня на коленях, Джек. – Даже если вы отыщете крепость Трима, не рассчитывайте, что он держит там молот. Не настолько он все-таки туп. К тому же это земляной великан, а значит, мог закопать его где угодно.

– Курган Твари, – сказала Сэм.

– В Провинстауне, – добавил я. – Считаешь, что это лучший для нас вариант, даже в том случае, если козлоубийца врал и нас там ожидает ловушка?

Сэм глянула сквозь меня в какую-то только ей понятную даль, где, вероятно, поднялся вверх ядерный гриб от бомбы, которую Локи сбросил на ее будущее.

– Я вынуждена попытаться, Магнус, завтра же утром.

Идея ее меня совершенно не вдохновляла, но лучшей я предложить не мог.

– Ну что ж, решено, – только и оставалось произнести в ответ мне. – Ты с Хэртом и Блитцем уже связалась?

– Они встретятся с нами на мысе Кейп-Код. – С этими словами Сэм скомкала свадебное приглашение и, прежде чем я успел сказать, что, возможно, оно нам еще зачем-нибудь пригодится, кинула его вниз воронам и волкам. – Встречаемся сразу же после завтрака, – уточнила она. – И захвати обязательно с собой куртку. Иначе замерзнешь в полете.

Глава XIII. Расслабьтесь, это всего лишь маленькое предсказание смерти

Стоило Джеку вновь превратиться в кулон, как я, конечно же, вырубился на целых двенадцать часов, а утром проснулся с такой дикой болью в руках и ногах, будто самостоятельно ночь напролет рассекал по воздуху вместе с эйнхерием, который изо всех сил цеплялся за мои щиколотки.

Алекс Фьерро завтракать не пришла, хотя Ти Джей и подsunул заботливо под ее дверь записку с объяснением, как отыскать буфет для девятнадцатого этажа.

– Скорей всего, еще спит, – предположил он. – Первый денек в Вальгалле-то напряженный ей выдался.

– Если, конечно, она не явилась к нам в виде вот этого москита, – указал Хафборн на насекомое, которое ползло по солонке. – Эй, это ты, Фьерро?

Москит не прореагировал.

Друзья мои обещали держаться настороже и приложить все усилия, чтобы Локи не удалась эта дикая свадьба, до которой теперь оставалось уже не пять дней, а только четыре.

– Мы и за Фьерро тоже как следует будем приглядывать, – кинув суровый взгляд на москита, пообещала Мэллори.

Едва я успел слопать крендель, явилась Сэм, и мы поспешили с ней на конюшню, располагавшуюся над тренировочной комнатой на четыреста двадцать втором этаже.

Я никогда не мог точно определить, что именно подразумевала Сэм под словами «мы полетим». Валькирии ведь способны летать без каких-либо вспомогательных средств. И выносливости у них хватает, чтобы перенести на себе по воздуху по крайней мере одного пассажира. Словом, она спокойно могла меня посадить, например, в объемную сумку, и мы таким образом быстренько бы достигли Кейп-Кода. Или она имела в виду, что мы просто рухнем с вершины утеса навстречу собственной гибели? Ведь и подобное с нами уже случалось. Сегодня, однако, под «мы полетим» предполагался совсем иной вариант. Мы должны были отправиться в путь на летающей лошади. Я не слишком-то в курсе, зачем валькириям нужны летающие лошади. Наверно, считается, что они на них выглядят круто. И уж точно никому неохота появляться в небе над полем битвы верхом на драконе, который хлопает своими дурацкими рудиментарными крыльями.

Короче, в конюшне Сэм быстро надела седло на белого жеребца, вспрыгнув ему на спину, помогла мне устроиться позади себя, и мы галопом вылетели из конюшни непосредственно в бостонские небеса.

По поводу холода она не преувеличивала. Я в этом плане чувак, конечно, устойчивый, но ветерок свистал ой-ой-ой. Хиджаб Самире под ним трепыхался зеленым знаменем, норовя то и дело угодить мне в рот. Я уворачивался от него изо всех сил. Ведь хиджабы-то все-таки символ скромности и благочестия. Сомневаюсь, что Сэм бы очень понравилось, если бы он приобрел такой вид, словно я его весь полет жевал.

– Ну, далеко нам еще? – крикнул я ей, когда мне уже показалось, что мы отмахали достаточное расстояние.

Она оглянулась. Синяк у нее под глазом был уже почти незаметен, но выглядела она как-то скверно. Взгляд грустный, лицо осунулось. Похоже, вообще не спала этой ночью.

– Теперь уже близко, – ответила мне она. – Держись-ка покрепче.

Мы с Сэм уже налетали достаточно много часов для того, чтобы я такие ее предупреждения воспринимал на полном серьезе, поэтому руки мои моментально сомкнулись на ее талии, а

ноги клещами сжали бока жеребца. Крайне, замечу вам, своевременная была реакция, потому что в следующий момент мы ухнули со стремительной скоростью сквозь облака вниз.

– Вонючкина мать! – взвыл я, цепляясь всем, чем только мог, за все, что только нашел для этого.

Моя задница оказалась как в невесомости. Не самое славное ощущение в жизни. Если Сэм так же летает на самолете, не завидую ее инструкторам. Убежден, что парочка их уж наверняка инфаркт себе заработала.

Когда наконец облака остались над нашими головами, нам открылся Кейп-Код – золотисто-зеленая полоса земли, простиравшаяся до самого горизонта в даль синего моря. Прямо под нами мыс этот с севера огибал аккуратной дугой порт Провинстаун. Весна была еще чересчур ранняя, сезон для морских прогулок только лишь начинался, и на воде виднелось так мало парусных лодок, что их светлые точки можно было пересчитать с высоты по пальцам.

Сэм снизила нашего скакуна футов до пятисот над землей, мы пронеслись над дюнами и болотами и полетели дальше, следуя за прихотливыми изгибами Коммершл-стрит с ее крытыми дранкой и раскрашенными в неоновые цвета коттеджами, смахивавшими на пряничные домики. Большая часть магазинов еще не открылась. Улицы пустовали.

– Я просто сейчас провожу предварительную разведку, – проинформировала меня Сэм.

– Хочешь удостовериться, что за тату-салонем «Мародер» не прячется армия великанов? – полюбопытствовал я.

– Или морских троллей, или других тварей, – подхватила она. – Присутствие моего отца тоже было бы нежелательно.

– Словил твою мысль, – стало все ясно мне.

Не обнаружив, по-видимому, ничего настораживающего, она в итоге взяла курс прямо к серой каменной башне, которая вздымалась двухсотфутовой глыбой на окраине города. Вершину ее увенчивали островерхие башенки, благодаря которым она походила на замок из сказки. Мне смутно помнилось, что я уже ее видел в детстве. Мама меня однажды сюда привезла, только вот возле башни даже и останавливаться не стала, а повела меня дальше, к дюнам и морю, где ей хотелось со мной погулять.

– Что это за штуковина? – указал я на башню.

– Пункт нашего назначения. – Губы Сэм тронула едва заметная улыбка. – Когда я ее впервые увидела, мне показалось, что это минарет мечети. Очень похоже, правда?

– Но это не так?

Она засмеялась.

– Это памятник первым поселенцам. Именно здесь они высадились с корабля и направились в Плимут. В общем-то, мусульмане тоже очень давно попали в Америку. Одна знакомая по мечети мне рассказала, что ее предок, Юсуф бен Али, был во время Американской революции соратником Джорджа Вашингтона. Но тебе сейчас вряд ли охота слушать лекцию по истории, – свернула тему она. – Да и мы здесь сейчас совсем не из-за этой башни, а из-за того, что под ней.

Похоже, она имела в виду не какую-нибудь сувенирную лавку.

Мы полетели вокруг величественного памятника, изучая вымощенную камнем площадку возле его подножия, и вдруг увидели у входа в башню, на подпорной стене, двух самых моих любимых существ из чужих миров, которые там сидели, болтая ногами.

– Блитц! Хэрт! – вырвался у меня ликующий вопль.

Хэрту, строго-то говоря, было орать бессмысленно, – он ведь глухой. Но Блитц, едва только услышав меня, указал ему на нас, после чего они разом спрыгнули и принялись бурными взмахами приветствовать наше прибытие.

Конь пошел на посадку.

– Привет, сынок, – бросился ко мне Блитцен.

Его можно было легко принять за призрак исследователя тропиков. С полей его пробкового шлема, полностью закрывая лицо, свисала до самых плеч вуаль из специальной марли. Соткана она была, как я знал, вручную из нити, полностью защищающей кожу от ультрафиолетовых лучей, которые превращают гномов в камень. Руки Блитцена защищали от света перчатки. В остальном же одежду его составляло все то, что я видел на нем во сне: костюм-тройка из кольчужной ткани орехового цвета, черный галстук-бабочка, стильные черные кожаные туфли с острыми носами и ярко-оранжевый платочек в нагрудном кармане пиджака – для шика. Иными словами, самый что ни на есть подходящий наряд для дневной экскурсии в могилу нежити.

– Молот и наковальня! До чего же я рад тебя видеть! – воскликнул он, заключая меня так резко в объятия, что шлем едва не слетел у него с головы. Я учуял запах его туалетной воды с ароматом розовых лепестков.

Следом за ним, радостно улыбаясь и показывая руками: «Привет!» – ко мне поднесся Хэртстоун. Для него такое было эквивалентно экстазному визгу фаната, увидевшего музыканта какой-нибудь модной группы. Выглядел он как обычно: черные кожаные куртка и джинсы и плотно обмотанный вокруг шеи яркий шарф в крупный горох, как на поле для игры в твистер. Лицо его отличалось обычной бледностью, во взгляде таилась вечная грусть, а коротко стриженная платиновая шевелюра топорщилась на голове ежиком. Кажется, он за то время, что мы не виделись, немного прибавил в весе, отчего теперь выглядел, с точки зрения человеческих мерок, несколько здоровее, чем прежде. У меня было сильное подозрение, что друзья мои, прячась в убежище у Мимира, заказывали себе многовато пиццы.

– Ребята! – воскликнул я, обнимая Хэрта. – Именно вот такими я вас и видел во сне!

Ну и, конечно же, мне пришлось тут же им рассказать с начала и до конца все, что со мной творилось. Про Локи в моей голове, мою собственную голову в банке с маринадом, голову Мимира в ванне и так далее и тому подобное.

– Ну да, – сказал Блитцен. – Капо обожает возникать в ванной. Один раз он так напугал меня, что я чуть не выскочил из своей кольчужной пижамы.

– Вот знаешь, я даже этого представлять себе не хочу, – накатила вдруг на меня запоздалая обида. – По-моему, нам бы в первую очередь было неплохо поговорить о вашем ко мне отношении. Как вы могли исчезнуть, даже меня не предупредив?

– Это была его идея, сынок, – ответил Блитцен на языке жестов, чтобы не только мне, но и Хэрту стали понятны его слова.

Тот, раздраженно рыкнув, тут же прожестукировал:

– Чтобы спасти тебя, дурака. Расскажи Магнусу.

– Нужно было такую панику поднимать. Как всегда, преувеличил все, – вздохнул Блитцен, показывая пальцами знак Хэртстоуна. – Напугал меня и уволок из города. Теперь-то я уже успокоился. Ерунда это. Просто маленькое предсказание смерти.

Сэм отвязала рюкзак от седельной сумки и, погладив белого воздушного скакуна по носу, указала ему на небо. Он с места в карьер стартовал к облакам и вскоре исчез из нашего поля зрения.

Сэм повернулась к Блитцену:

– Неужели не понимаешь, что маленьких предсказаний смерти не бывает?

– Да со мной полный порядок! – И он озарил нас сияющей улыбкой, которая под вуалью придала ему сходство с жизнерадостным привидением. – Дело-то вот в чем. Хэртстоун вернулся домой после очередного занятия с Одином рунной магией, и ему вдруг приспичило прочесть мое будущее. Вот он и кинул рунные камни, которые... – Блитц замялся. – Ну, в общем, они сложились как-то не очень благоприятно.

– Не очень благоприятно? – переспросил его жестами Хэрт и даже ногой притопнул от возмущения: – Блитцен. Кровопролитие. Перед. О-с-т-а-р-а. Остановить нельзя.

– Ну да, – подтвердил Блитцен. – Именно это он и прочел на рунах, но...

– Что такое Остара? – впервые слышал такое слово я.

– Первый день весны. Он настанет через четыре дня, – объяснила Сэм.

– Тогда же, когда твоя свадьба?

Она поморщилась.

– Можешь уж мне поверить, что это не я придумала.

– А Блитцен, выходит, должен еще до этого умереть? – содрогнулся я. – И мы это не остановим?

– Он. Не. Должен. Быть. Здесь, – показал Хэртстоун, сопровождая энергичными кивками каждое слово.

– Согласен, – поддержал его я. – Это слишком опасно.

– Ребята, – исторг из себя натужный хохот Блитцен. – Да как вы не понимаете? Хэртстоун по части чтения будущего еще новичок. Может, он просто неправильно что-то истолковал. Вдруг руны ему показали совсем не кровопролитие, а, к примеру, кровлепокрытие, которое невозможно остановить. Не такое уж скверное предсказание. Значит, на многих домах появятся новые крыши.

Хэртстоун выбросил вперед руки, и этот жест перевода не требовал. Ясное дело, он был готов от досады придушить Блитцена.

– Но я по-любому здесь просто обязан быть с вами, – тем временем продолжал тот. – Если могила твари и впрямь под землей, вам без гнома никак не справиться.

Хэрт было снова принялся с очень сердитым видом жестикулировать, но Сэм перебила его.

– Тут Блитцен прав, – произнесла она, одновременно показывая Хэртстоуну два кулака с оттопыренными указательными пальцами. И когда она только успела продвинуться в языке немых? Похоже, позанималась им как следует, используя паузы между уроками в школе, сбором душ героических павших и освоением летного дела. Ох, неленивая девушка! – Это и впрямь очень важно, – продолжала она. – Иначе я никогда бы не стала тебя просить. Нам просто необходимо найти молот Тора до первого дня весны. Иначе останется только два варианта. Либо миры погибнут, либо я буду вынуждена выйти замуж за великана.

– Другой путь. Должен быть. Даже не знаем, где молот, – сказал руками Хэрт.

– Приятель, – схватил Блитц эльфа за обе руки. Со стороны это могло показаться очень мило и дружелюбно, однако на языке немых означало решительный призыв заткнуться. – Я знаю, ты за меня тревожишься, но все ведь будет в порядке. – Гном повернулся ко мне: – К тому же, хоть я и очень люблю этого эльфа, но чуть не сбрендил со скуки наедине с ним в убежище. Уж лучше, по-моему, умереть, помогая друзьям, чем сутками наедаться пиццей с доставкой на дом, смотреть телевизор и ждать, когда в ванной опять появится голова Мимира. А кроме того, вы даже представить себе не можете, как жутко храпит Хэртстоун.

Эльф, резко выдернув у него из ладоней руки, с возмущением показал:

– Разве ты, идиот, не помнишь, что я умею читать по губам?

– Блитц! Хэрт! Прекратите, пожалуйста! – взмолилась Самира.

Гном и эльф уставились друг на друга с такой свирепостью, что мне показалось, будто воздух между ними превращается в колючие кристаллики льда. Конфликт назревал у них явно нешуточный. Я даже уже подумывал вызвать Джека. Он бы исполнил, к примеру, какую-нибудь из песен Бейонсе, и тогда Блитц и Хэрт моментально перенаправили бы свою ярость на общего врага.

Но не успел я еще и коснуться кулона на шее, как Хэрт сдался:

– Если что-нибудь с ним случится... – ткнул он пальцем в сторону Блитцена.

– Беру всю ответственность на себя, – четко артикулируя, проговорила беззвучно Сэм.

– Во-первых, я тоже умею читать по губам, – сказал Блитцен. – А во-вторых, вполне способен сам нести за себя ответственность. Ну, а теперь не пора ли найти вход в Курган? – в предвкушении потер он руки. – Ох, сколько же времени я не извлекал из-под земли какую-нибудь злобную нежить.

Глава XIV. Выплачь Кровавую реку, хотя погоди: вообще-то не надо

Все было как в старые добрые прежние дни. Мы вместе дружно шагали в неизвестность, рискуя погибнуть мучительной смертью, но все же надеясь остаться живыми и даже добиться успеха в том, что затеяли. Ох, как же мне не хватало последнее время моих друзей!

Мы обогнули, наверное, половину основания башни, когда Блитц воскликнул: «Ага!» – и, резко нагнувшись, коснулся пальцами в перчатках щели между камнями, которыми была вымощена дорожка. По мне, так щель эта была такой же, как все остальные, но Блитцен с победоносной улыбкой выдохнул:

– Ну вот и оно. Без гнома ты бы сто лет здесь ходил, ища вход в могилу и...

– Эта трещина – вход? – перебил его я.

– Точнее, защелка от входа, и теперь, чтобы ее отомкнуть, нам понадобится волшебство. Давай-ка сюда и попробуй, – повернулся он к Хэрту.

Тот, опустившись с ним рядом на корточки, начертил пальцем на камне руну, и там, где мгновение назад была каменная мостовая, образовался глубокий темный провал площадью в десять квадратных футов. К несчастью, мы именно здесь-то все и стояли, поэтому тут же стремительно рухнули вниз, оглашая пространство истошным визгом, большая часть которого исторгала моя собственная глотка.

Хорошая новость: я смог приземлиться, ничего себе не сломав. Плохая новость: Хэртстоун не смог. В нем что-то громко хрустнуло, он охнул, и мне моментально сделалось ясно, что он заработал себе перелом.

В общем-то, он не такой уж хрупкий. Иногда, наоборот, оказывается самым выносливым из всех существ, которых я знаю. Однако бывают случаи, когда меня просто подмывает завернуть его в несколько слоев одеяла, и чтобы при этом еще наклейку ему наклеить на лоб: «Осторожно! Не кантовать!»

– Держись, старина! – проорал я ему без малейшего смысла.

Вокруг было темно, и моих губ разглядеть он не мог.

Мне быстренько удалось ошупью обнаружить место, в котором у него был перелом. Едва я коснулся его лодыжки, он охнул и так вцепился ногтями в мою ладонь, что едва не содрал с нее кожу.

– Что происходит? – донесся до меня голос Блитцена. – Чей это локоть уперся мне в ребра?

– Мой, – ответила Сэм. – Все целы?

– Хэртстоун сломал лодыжку, – обрисовал ситуацию я. – Мне надо ее срочно вылечить.

А вы пока сторожите.

– Здесь кромешная тьма, – жалобно произнес Блитцен.

– Да ты же ведь гном. – К голосу Сэм примешался звук, по которому мне стало ясно, что она извлекла топор из-за пояса. – Я думала, тебе, Блитцен, нравится жить под землей.

– Нравится, – подтвердил тот. – Но только в том случае, если пространство там правильно освещено и со вкусом декорировано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.